
ОГОНЁК
№ 37 СЕНТЯБРЬ 1954
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Танки на учениях. Переправа через реку (см. в номере «Труд воинов»). Фото С. Фридлянда.

На первой странице обложки: Мастер спорта, кандидат биологических наук Елена Кондратьева, добровольное спортивное общество «Наука», берет препятствие на кобыле Лега (см. в номере фотоочерк «В конно-спортивной школе»). Фото А. Новикова.

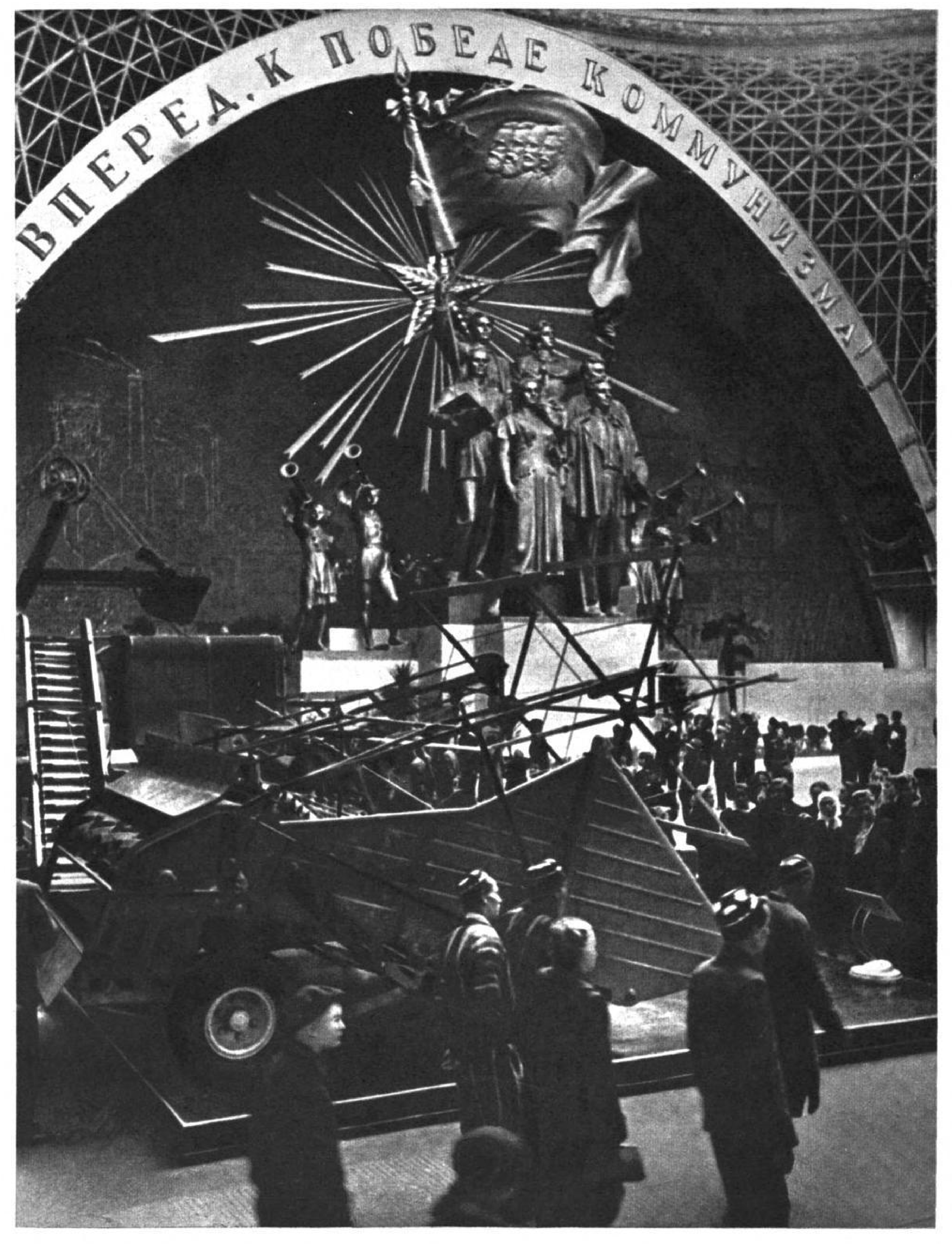
На последней странице обложки: Удачный лов. Фото Н. Козловского.

ОГОНЁК № 37 (1422) 12 СЕНТЯБРЯ 1954

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

32-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Всесоюзная сельскохозяйственная выставка. В Павильоне механизации и электрификации сельского хозяйства.

Фото Галины Санько.

Но вот второй раз пропел во всех уголках нового здания звонок. Напрасны были опасения директора школы Галины Владимировны Болотиной. Конечно, остались кое-какие мелкие недоделки. Вот, например, свет еще не включили, газ не подвели везде, где требуется, не поставили вешалок. Однако недаром так готовился к этому дню весь коллектив новой школы. Школьная жизнь в первые же минуты нового учебного года уверенно и полновластно вошла в свои права.

В классах сели рядом за парты мальчики и девочки, сели спокойно, дружно, не чураясь, без ломанья и жеманства, как будто и всю жизнь учились вместе. Все теперь, и светлые залы и классы с цветами на окнах, за которыми ушла далеко к горизонту Волга, одинаково принадлежат и мальчикам и девочкам — товарищам и подругам!

В первом «в» классе все уже быстро перезнакомились с учительницей и теперь, старательно округляя рты, разучивают вслух гласные буквы. В зале сквозь незакрытую дверь слышно, как в соседнем классе удивительно быстро сладившимся хором декламируют дружно всем классом:

Почему сегодня Петя
Просыпался десять раз?
Потому что он сегодня
Поступает в первый класс.

В третьем классе разбирают строки Гимна Советского Союза:

Славься, Отечество наше свободное,
Дружбы народов надежный оплот!

— Что такое оплот, всем понятно? — задает вопрос учительница.

И пятнистый от загара и купания круглоголовый крепыш, глядя через окно на Волгу, по которой в эти минуты медленно движется за пароходом большой плот, говорит убежденно, по-волжски окая:

— Это, когда крепко, все вместе держится, одно с одним.

В четвертом классе маленькое недоразумение. Боря Громов, оказавшийся на парте рядом с Тамарой Гараниной, ворчит: «Не буду я сидеть с девчонкой».

День первый...

Лев КАССИЛЬ

Фото Риммы ЛИХАЧ.

Знаете ли вы, что Волга впадает в Каспийское море?.. Наташе Черкасовой стало известно это только 1 сентября 1954 года. Да и сейчас такая истина не вскрылась бы, не заговори в перемену о путешествии по Волге новые товарищи Наташи с Костей Моженковым из второго класса «а».

Да, необозрима и многосложна наука человеческая, в которую впервые вступили Наташа и десятки ее подружек в белых передниках и сотоварищей с отложными воротничками!

А Волга, та самая, что впадает, как выяснилось, куда-то, знакомая, широкая, привольная Волга, под окнами катит между осенними песками посуровевшие волны, и в класс вплывают протяжные, всегда чем-то бередящие душу пароходные гудки, доносится бой склянок с пристаней — обычные волжские звуки, дорогие для всякого, кто родился и жил на этих берегах.

Но сегодня с утра в Саратове, над Волгой, над крутыми взвозами, взбегающими от пристаней вверх, властно прозвучали иные призывные голоса осени, школьные звонки — склянки нового учебного года.

Семь новых школ украсили город в нынешнем году. Одна из них возведена над самой Волгой, на Чернышевской, рядом со скромным, но всем известным домиком, где, как гласит надпись на мемориальной доске, «родился 12 июля 1828 г. и жил в молодости Николай Гаврилович Чернышевский». Бок о бок с этим домом раскинуло бело-кремовые крылья новое четырехэтажное светлое здание с лепными надписями: «Средняя школа № 80». И там, где когда-то началась жизнь великого демократа-просветителя, младшие представители сегодняшнего поколения его земляков начинают путь к знанию.

Утром по всему городу запестрели белые переднички. Ветер с Волги ласково трепал алые галстуки, шумел в акациях, в желтеющих липах. И спешили, спешили дружными ватажками питомцы саратовских школ. Самые младшие, обмирая от ощущения значительности всего происходящего, как никогда крепко держались за руки матерей. Но в положенный час надо было отпустить материнскую руку, перейдя под высокое покровительство иных, уже школьных, а не домашних, законов и правил.

Горячо аплодировали на школьном дворе, за высокой сквозной оградой, на улице, из окон и с балконов домов, что напротив, когда самая маленькая первоклассница старательно разрезала ножницами широкую алую ленту, протянутую у входа в школу.

Торжественно, чинно, парами, класс за классом, а впереди, конечно, новички-первоклассники, входят ребята в помещение школы.

Исчезла за поворотом вестибюля последняя пара. Но долго еще, не расходясь, стоят у дверей и ограды мамы, папы, строители школы. Некоторые стараются заглянуть в класс...

Но когда после перемены принесли в класс огромный глобус, тут же все разом, мальчики и девочки, висок к виску, облепили модель земного шара и радуются, находя на нем и Волгу и Саратов...

— Вон где мы живем на земле, гляди-ко!..

А малыши-первоклассники, уже несколько освоившись, обступают общительного Костю Моженкова, поглядывающего на них снисходительно, но дружелюбно. И у них идет такой разговор:

— Ничего, вы не трусьте,— успокаивает малышей Костя.— Привыкнете. Я вот тоже когда-то был первоклассником.

— А сейчас ты в каком учишься? — с уважением допытываются малыши.

— Сейчас-то я уже во втором...

Один из старейших педагогов школы, учитель химии Дмитрий Васильевич Дудкин, в заботах о крепком коллективе класса знакомит своих питомцев-девятиклассников из старой 80-й школы с их новыми одноклассницами. С шутливой гордостью представляет он своим новым ученицам лучшего отличника класса Валерия Томича, к великому смущению последнего.

Кончились занятия в первых классах. Во дворе школы самые старшие — десятиклассники — провожают добродушными напутствиями самых младших.

Приходит конец урокам и в старших классах. Девятиклассники уже успели за день перезнакомиться и сдружиться. И когда прозвучал последний звонок, все идут по традиции на берег Волги. Долго стоят над откосом, над пристанями девушки и юноши, вглядываясь в туманную осеннюю даль, откуда доносится медлительный и заманчивый гудок давно уже отплывшего теплохода. Большая река, большая, бескрайняя жизнь...

☆ ☆ ☆

...Давно привела домой первоклассницу Наташу Черкасову ее мать Людмила Григорьевна. Вернулись после занятий и Валерик, и Слава, и Рита. Но сегодня самая главная в доме у Черкасовых Наташа, потому что Валерик учится уже в восьмом классе, Слава — в девятом, а старшая сестра Рита — та на третьем курсе автодорожного института.

Скорей бы пришел отец с работы! Надо сообщить отцу так много нового, важного. Хоть он и старший инженер «Саратовнефти», но, может быть, не знает, например, что, когда входит учительница в класс, все должны вставать, что рот надо на уроке держать закрытым, а когда говоришь «а», наоборот, раскрывать его...

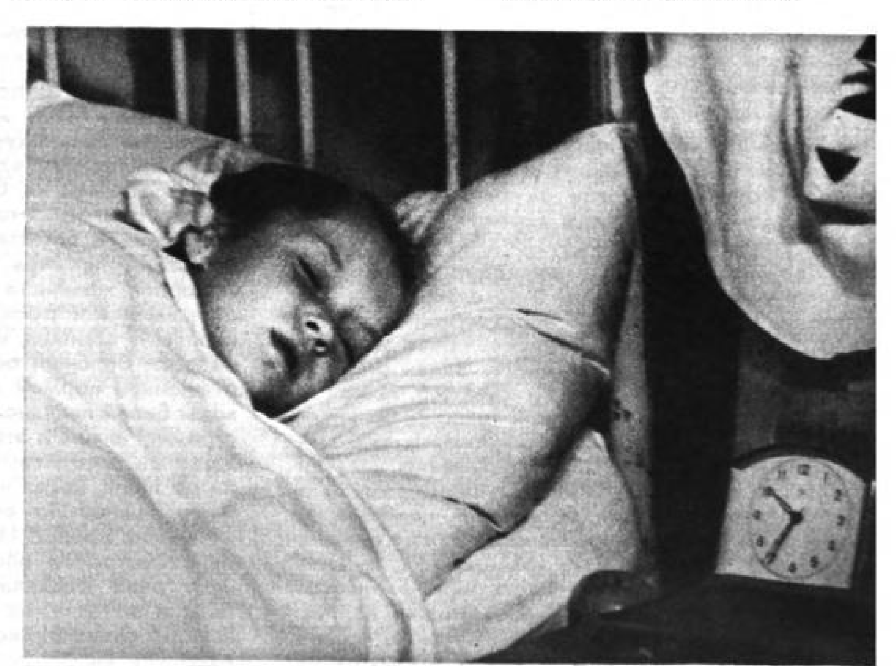
Стремглав засыпает в этот вечер Наташа Черкасова, переполненная неповторимыми впечатлениями и новыми, поразительными знаниями. Мерно стучит на стуле будильник, который разбудит Наташу завтра, когда начнется второй день ее первого учебного года.

Школьная пора началась!

БРАТЬЯ

Рассказ

Анатолий КАЛИНИН

Рисунки В. Высоцкого.

I

Каждый вечер агроном Иван Степанович Кольцов шел двенадцать километров из станицы Крутоярской, где он работал пчеловодом, домой в станицу Тереховскую, где он жил с женой и сыном.

Два конца в день по двенадцать километров было для его возраста многовато. Конечно, проще было продать в Тереховской и купить в Крутоярской дом, но переселяться из родной станицы ему не хотелось. Здесь он прожил свою жизнь, здесь и сын его пошел в школу, привык к учителям, к товарищам. И сама станица — веселая, в абрикосовых садах — нравилась ему больше. Тереховские казачки издавна приучились красить свои домики в яркие цвета: голубой, оранжевый, светлозеленый. Каждая улица имела свой цвет: голубая, оранжевая, зеленая. Это нравилось Ивану Степановичу. И весной в зацветающих абрикосовых садах его пчелы брали хороший взяток.

Втайне он признавался самому себе, что не переселяется еще и потому, что, несмотря на возраст и на появившуюся одышку, привычка много ходить все еще оставалась для него больше в удовольствие, чем в тягость. По роду своих занятий он большую часть времени проводил в дороге, шагая с одной колхозной пасеки на другую, и потребность ходить стала для него такой же естественной, какой была потребность дышать, принимать пищу, прочитывать свежую «Правду». Если ему случалось день — другой просидеть за своим столом в отделе, он уже начинал испытывать беспокойство, похожее на чувство человека, который боится опоздать на поезд. Он невпопад отвечал на вопросы и сидел на своем стуле на краешке, так, будто пришел в гости. В отделе уже знали, что скоро Иван Степанович запросится в командировку.

Ходил он небыстрым, широким шагом, слегка наклонив крупную, с загорелым лбом и седеющими висками голову. В дороге хорошо думалось. Если бы мысли человека тоже исчислялись в километрах, то оказалось бы, что он за свою жизнь уже совершил в миллионы раз больший мысленный путь, чем прошел ногами. Летом, неторопливо шагая, он уходил с утра по степи вглубь района на двадцать — тридцать километров. Люди научились издали узнавать его фигуру по старенькому, порыжевшему под степным солнцем портфелю и по торчавшей за спиной двустволке. Иван Степанович уже не помнил, когда подстрелил из двустволки последнего зайца. А в портфеле он носил свою переписку с областной пчеловодной конторой, с которой он вел нескончаемую войну из-за своего нового улья. В дороге он обдумывал и отсылал свои ответы главному пчеловоду области.

Стоял конец мая. Сокращая путь, Иван Степанович пошел не по верхней, степной дороге, а по берегу реки, низом. Солнце уходило за волнистую линию курганов, молчаливыми стражами тянувшихся вдоль реки по окраине степи. По склонам их, ближе к подошве, цвел татарник: будто чья-то древняя конница в красных шапках собиралась перед приступом у подножий курганов.

Дорога извилисто спускалась из станицы и, прижимаясь к реке, сворачивала вправо. Начиная у станицы, ей сопутствовал по середине реки Вербный остров. Длинным стругом с осаженной кормой и с круто поднявшейся из воды белой песчаной грудью он резал речное стремя. Раньше в это время остров всегда был затоплен паводковыми водами. Они не спадали до июня, когда на заливных лугах начинали косить сено. По острову ездили среди деревьев на лодках. Но после того, как выше по реке построили плотину, разливов не стало. Зато река поднялась, затопила прибрежные талы и понесла на себе большие пароходы. Звуком своих гудков они спугнули тишину, издревле висевшую здесь над берегами.

Иван Степанович любил вслушиваться в этот далеко расстилающийся по воде вибрирующий звук, заслышав который ему почему-то всегда хотелось прибавить шагу. Он любил родную реку, и не так за ее спокойствие, за тихий нрав, как за ее трудолюбие и неутомимость. Она представлялась ему великим грузчиком. Сколько уже этот грузчик переносил на своей широкой спине и сколько еще перенесет кулей с зерном, тюков книг, ящиков с частями машин, строительных бревен!

II

Взглянув на солнце, Иван Степанович подумал, что до темноты он еще успеет завернуть по дороге к брату. Брат жил на полпути между станицами, в хуторе Вербном. Как и острову, хутору дали это название густо растущие по берегам реки вербы. Два года назад брат приехал сюда из города с женой и с матерью жены — больной старухой. Всего хозяйства у них было: старый, рассохшийся комод и две козы, белая и черная. До этого брат жил в разных городах, его, как осенним ветром траву перекатиху, гоняло с места на место. Унаследованную от отца фамильную специальность кузнеца он бросил по слабости здоровья и к сорока пяти годам переменил до десятка профессий: работал нормировщиком на заводе, кладовщиком в доме отдыха, был председателем месткома, заведовал бильярдной. Как-то получалось у брата, что он нигде не сумел задержаться. При встречах он говорил Ивану Степановичу, что не любят начальники правду.

— Ну и вот, — добавлял он, поднимая худое плечо и склоняя к плечу голову. Надо было понимать, что он тоже терпит за правду. — Это тебе не колхоз, Иван, а город. Понимаешь, го-род! И люди совсем другие. Да никакого сравнения. Ну и вот, — опять склонял он на плечо голову.

С молодых лет брат не мог говорить без ужимок и подмигиваний. Поэтому всегда казалось, что он шутит, даже когда он говорил о серьезном.

Встречались они редко, только когда Ивану Степановичу надо было приехать в город поругаться с пчеловодной конторой. Всю жизнь он презирал людей, которые болтаются по течению от берега к берегу, как лодка без весел: никто не виноват, когда вокруг столько несделанного, столько всякой работы, выбирай, какая мила сердцу, если у тебя не равнодушные руки. Но объяснение, которое подходило к другим людям, оказалось нелегко было применить к брату. Это был брат. Может быть, и в самом деле где-то на кривых тропинках ему чаще приходилось сталкиваться с неважными людьми, а настоящих, которые идут по широкой, прямой дороге, он не встретил? Разве мало еще прощелыг и себялюбцев?

Не сложилась у брата и семейная жизнь: недавно он женился в третий раз. С первой женой он прожил двадцать лет, выучили сына, а на другой день после того, как проводили сына в армию, она ушла от брата. Иван Степанович хотел примирить их, но она сказала: «Никто, Иван Степанович, на меня не укажет, что я была плохая ему жена, а теперь я хочу отдохнуть от его прибауток». Больше она ничего не добавила.

Из эвакуации брат привез молодую жену. Жили они как-то странно, как живут транзитные пассажиры на вокзале: каждый хранил свои вещи и харчи под замком, в чемодане. Так и расходились — купили билеты в разные концы и разъехались полюбовно. В том же году брат женился на сорокалетней женщине с тихими и ласковыми, как вода под береговыми вербами, глазами.

Как-то Иван Степанович, приехав в город, из пчеловодной конторы зашел к ним на квартиру. Брат уволился из бильярдной и второй месяц сидел дома. Кормились от коз Белки и Галки. Старуха, мать жены, настригла с коз шерсти, а Елена, жена брата, вязала носки и детские рукавички и сбывала их на толкучем рынке. Брат жил на иждивении у этих двух женщин.

— Личные счеты... Ну и вот, — встретил он Ивана Степановича. — Ты там, Иван, среди пчел и цветов, райская жизнь, а это го-род. В городе — не в колхозе.

Он все так же подмигивал, быстро шагая на

полусогнутых ногах по комнате, круто поворачивался на месте и шел обратно, бодрился. Но Иван Степанович всмотрелся в его осунувшееся лицо, обежал глазами пустые углы комнаты с единственным, оставшимся из всей мебели комодом и впервые остро почувствовал, что брат катится вниз, гибнет.

— Поедем, Степан, в колхоз, — сказал Иван Степанович брату.

— Куда мне! — испугался брат. — Какой из меня землепашец?

— Зачем землю пахать? Поставим тебя к пчелам.

— Я не сумею, Иван. К этому интерес надо иметь. А у меня весь интерес — с медом чаю напиться.

— Подучишься. Вспомнишь, как отец ульи имел. И я тебе помогу, — уговаривал Иван Степанович.

Неожиданно он нашел поддержку у невестки Елены.

— Поедем, Степа. Построимся. Свое хозяйство заведем. — И при слове «хозяйство» она даже просияла. Должно быть, и ей уже успела надоесть их неопределенная семейная жизнь, кочевье с места на место.

— Вот она, женская приверженность к собственности, — махнул рукой брат, сдаваясь.

III

Иван Степанович решил зайти по дороге к брату, несмотря на то, что последнее время каждая их новая встреча неизменно заканчивалась ссорой. Третий год брат работал в хуторе Вербном на колхозной пасеке. За это время он и жена построили дом, купили корову, завели свиней и кур. Белка и Галка наплодили им целое стадо коз, из-за которых у Елены были постоянные неприятности с соседями. Козы забредали во дворы, объедали виноградные лозы и капусту на грядках. Брат обжился на новом месте и уже говорил при встречах Ивану Степановичу, что с такими людьми, как в колхозе, никогда не будет порядка. Один в горячее время тяпает у себя на огороде, другая поехала на базар, а председатель запойно пьет горькую.

— Совсем другое дело в городе, — говорил брат, — там народ сознательный, организованный.

Он уже забыл, как его жена торговала в городе на базаре детскими рукавичками. Колхоз действительно был не из крепких, и те болезни, о которых говорил брат, у колхоза имелись, но почему-то Ивану Степановичу было неприятно слышать об этом из уст брата. Пора бы ему уже перестать чувствовать себя в колхозе гостем. Иван Степанович никогда не решился бы упрекнуть других в том, что у них нехорошо, если бы знал, что у самого плохо.

У брата на пасеке было не все благополучно. Два года подряд пчелы не приносили колхозу ни капли меду и даже уходили в зиму с подкормкой. Правда, так совпало, что оба последние года были для пчеловодства неурожайные. Или все лето стояла сушь и цветы почти не выделяли нектар, или из-за дождей нельзя было летать пчелам. Но можно было понять и тех людей в колхозе, которые начинали относиться к брату с колючей презрительностью, если не враждебно.

Как бы ни шли дела на пасеке, трудодни брату записывались аккуратно, и вот уже две осени он получал на них зерно из кладовой колхоза. Но самое плохое было не в этом. В конце концов может быть и так, что сегодня больше повезло одному, а завтра — другому. Плохое было в том, что брата это нисколько не смущало, он, видимо, считал, что так и должно быть, и продолжал ругать и громко называть бездельниками тех самых людей, которые заработали для него зерно и деньги, чтобы он мог построить себе хату и купить корову.

Иван Степанович старался теперь реже бывать у брата еще и потому, что не мог закрыть глаза на его семейную жизнь. Ивану Степановичу казалось, что с такой женщиной, как Елена, можно ладить, но они все время ссорились. Первое время они жили дружно. Они жили дружно, пока у них ничего не было и брат находился на иждивении у жены с матерью. Теперь же, когда они построились и обзавелись своим хозяйством, у них пошли раздоры. Иван Степанович замечал, что они неделями не разговаривали друг с другом, и два или три раза заставал Елену с заплаканными глазами.

— Ты, Степан, не обижаешь ее? — как-то попробовал он осторожно спросить у брата.

— Она тебе пожаловалась? — подозрительно посмотрел на него брат.

— Я, Степан, сам замечаю что-то между вами такое...

— Издали они все, как овечки! — не слушая, перебил его брат. — Жаловаться, это они все умеют!

— Не жаловалась она мне, — заступился Иван Степанович за Елену.

Но брат уже не верил.

— Частная собственность! — разгорячась, закричал он и провел ребром ладони по горлу. — Через край уже, и все мало. Заела она их с матерью! Козы, телята, поросята... И меня в это же болото тянут. Хотят, чтобы и я копался, как жук в навозе.

У Елены были чуть затуманенные и как бы чем-то удивленные глаза. После первого знакомства Иван Степанович решил, что характера она молчаливого и даже замкнутого: сидит, бывало, где-нибудь в углу, слова не вставит в разговор братьев и только смотрит. Казалось, в глазах ее застыл какой-то вопрос. Какой?

Но потом Иван Степанович убедился, что такая она только дома. Бывая в колхозе по служебным делам, он нечаянно подсмотрел и подслушал, что среди людей Елена совсем другая. Оказывается, она была разговорчивой и расторопной, бралась за любую работу и даже пела песни. Елена и местных женщин научила своим кубанским песням: она была родом с Кубани.

Последнее время Елена работала в детских яслях. Своих детей у нее не было, и теперь она все, что долгие годы дремало в ее женской душе, спешила отдать чужим. Она их купала, причесывала, укладывала в кроватки, а самым маленьким пела песни. К вечеру приходила домой уставшая, с еще не потухшим в глазах каким-то новым, молодым светом. Наскоро поужинав, ложилась в постель и спала, как убитая, чтобы на рассвете, в четыре часа, проснуться и бежать в ясли все приготовить: помыть и сварить к тому времени, когда матери начнут приносить детишек.

Брат говорил, что она совсем стала пустодомка и ради чьих-то детей забросила семью, мужа. Некому за ним досмотреть, вон и пуговицы на всех рубахах поотрывались, и не только на рубахах, скоро и штаны придется держать руками. Некому и сготовить, а у него паховая грыжа, ему нельзя есть что попало.

— Я, Степа, в яслях почти одна, — отвечала Елена. — Я же и уборщица, и кухарка, и воспитательница. Мама все время дома, она за тобой поухаживает и сготовит. Ты только скажи ей, что ты любишь.

— Не нужно мне ее ухода, — сердито говорил брат, — у меня жена есть. Зачем я тогда женился? И как готовит мамаша, я тоже знаю. Заладит на неделю борщ — и радуйся. У меня от ее борща колики. А белье после ее стирки, как сентябрьский лист, желтое. Старая, глазами не видит и руками елозит еле-еле...

— Хорошо, Степа, я сама буду, — соглашалась Елена.

И она вставала по ночам, обстирывала его, варила ему бульон из курицы. А рано утром с глазами, будто засыпанными песком, шла в ясли. Она никогда не высыпалась. У нее стали отекать ноги.

Чаще прежнего между ними вспыхивали ссоры. Стало доходить до развода. Соседи уже несколько раз видели через забор и потом рассказывали Ивану Степановичу, как они делятся. Брат оставлял себе хату и двух кабанов, а Елене с матерью отдавал корову с телушкой и старых коз. Козлят он оставлял себе — на племя.

Но каждый раз, когда им надо было уже разъезжаться, они начинали мириться. И тогда виноватой оставалась мать Елены, старуха. Та самая сухонькая, семидесятилетняя старуха, у которой на руках было все их хозяйство. Если же ей случалось заболеть и слечь на день — другой в постель, все расстраивалось. Свиньи оставались голодными, корову некому было встретить из стада, и козы начинали лазить по соседским садам, объедать виноградные лозы.

Старухи не было слышно в доме. И только по ночам она вставала и, сгибаясь, обхватив руками живот, ходила по комнате, захлебываясь кашлем. Брат по ночам много курил в доме, и старуха задыхалась. Она страдала астмой.

Брат говорил, что если бы старуха жила не с ними, они жили бы лучше. Это она развела всякую живность и в этом же духе настраивает свою дочь. Так незаметно можно обрасти и единоличной коростой.

— Ты не знаешь, какая это агрессивная старуха, — рассказывал он Ивану Степановичу. — С ними с двумя мне никак невозможно справиться, а с одной Еленой я бы как-нибудь сладил. Мне их блок разбить нужно.

IV

Не оправдались и надежды Ивана Степановича на то, что брат поживет в колхозе, освоится на пасеке, а потом и ему поможет в его деле. Это касалось того самого нового улья, о котором Иван Степанович переписывался с главным пчеловодом области. Со временем переписка вылилась в настоящую войну между ними. До сих пор она не принесла Ивану Степановичу ничего, кроме неприятностей, так как последнее слово неизменно оставалось за главным пчеловодом, и у него каждый раз находился новый предлог, чтобы отвергнуть улей. Вначале он отвергал его просто потому, что не допускал самой мысли, что районный пчеловод Кольцов, которого он знал десять лет, может поправлять пчеловодов с мировым именем. Потом главный пчеловод стал отвергать улей из-за того, что он якобы громоздок и неудобен для транспортировки. Теперь же, не отрицая достоинств улья, он писал Ивану Степановичу, что он, в сущности, не предлагает ничего нового: еще тридцать лет назад такая же в принципе конструкция улья уже была предложена другим пчеловодом.

При воспоминании об этой последней уловке главного пчеловода области Иван Степанович ощутил сердцебиение и перекинул портфель из руки в руку. Неужели этот хитрый бородатый человек всерьез думает, будто Иван Степанович заинтересован в том, чтобы получить патент, а не в том, чтобы распространить на колхозных пасеках улей с сильной семьей, приспособленной к местным условиям содержания и медосборов?! Тем лучше, если у Ивана Степановича оказался союзник, о котором он не подозревал и который за тридцать лет до него думал о том же самом. Ничто никогда не вырастало на голом месте. Кто-то обязательно вспашет почву, кто-то бросит в нее семена.

Главный пчеловод или притворяется или не понимает самого простого. Их расхождения зашли настолько далеко, что они уже не терпели друг друга. Иван Степанович считал, что главному пчеловоду помогает удерживаться на месте только его борода, а главный пчеловод не упускал теперь случая придраться к Ивану Степановичу и прозрачно намекал, что незаменимых работников, как известно, не бывает. Надо было считаться с тем, что он может исполнить свою угрозу. Но от того, останется Иван Степанович в районе или нет, дело не должно заглохнуть. У него созрел план. Он решил исподволь завести на всех пасеках новые ульи. Если в одном колхозе начнут водить в этих ульях пчел, в другом и в третьем, и если дело само скажет за себя, — пусть главный пчеловод попробует их разломать! Да ему люди выдергают бороду!

Иван Степанович рассчитывал, что ему серьезно поможет в этом брат, который мог бы перевести у себя на пасеке в новые ульи сразу двадцать — тридцать пчелосемей, а это уже сила. Брат обещал, но за два года не построил ни одного улья. Иван Степанович терпеливо ждал, а потом почувствовал, что здесь что-то кроется. Когда он читал брату свои письма в областную контору и ответы главного пчеловода, брат загадочно помалкивал, пускал ртом кольца табачного дыма и смотрел куда-то вкось, в сторону.

Последнее время Иван Степанович уже перестал думать о том, чтобы ему помог брат, и думал только о том, как поправить дела на пасеке у брата. Нестерпимо неловко становилось перед людьми, которые уважали Ивана Степановича и ни слова не сказали против, когда он привез в их колхоз пасечником

своего брата. Выходило, что Иван Степанович воспользовался их уважением им же во вред. Как это было нехорошо и стыдно!

И с каждым разом ему все труднее было заставить себя зайти по дороге к брату. Но сегодня этого нельзя было избежать. Надо было проверить, перебросил ли брат пасеку за реку, на луг. Брат обещал сделать это еще неделю назад, но Иван Степанович не мог поручиться, что он сдержал свое слово. Когда они жили далеко друг от друга — один в городе, а другой в станице, — у Ивана Степановича меньше было оснований не доверять словам брата.

V

Дорога втягивалась под зеленый свод деревьев, росших по берегу, не прерываясь до самого хутора. Солнце редким дождем проливалось сквозь зеленую крышу, отпечатав на земле шевелящийся узор листьев. Над головой, в листве, перепархивали птицы.

День был сухой, жаркий, а к вечеру духота еще больше сгустилась. Здесь же, под лиственным сводом, она была особенно отстоявшейся, плотной. Пропахший травами воздух был терпким и вязким. Даже близость реки почти не ощущалась.

Справа от дороги белой стенкой росли тополи, слева, у воды и в самой воде, — вербы. Где дорога, круто поворачивая, огибала бугор, из белой стенки выступал большой тополь. Сколько ни ходил мимо Иван Степанович, он никогда не пропускал его взглядом, и не только потому, что тополь стоял ровно на полпути между станицей и хутором, а больше потому, что ему нравилось это молодое, веселое дерево. И при самом легком ветре тополь лопотал так, будто шел густой летний дождь. А в тихую, безветренную погоду он сверкал чеканными, яркозелеными сверху и светлыми снизу листьями и все равно звучал, струился.

Иван Степанович так и не смог бы объяснить, почему при взгляде на тополь ему думалось и о водопаде, и о расстилающемся по степи цокоте конницы, и о рокочущих звуках, доносящихся с Красной площади в полночь, когда диктор московского радио включает куранты.

Что-то было в тополе юное, неугасимое, совсем другое, чего не было, например, в этих понуро стоявших слева от дороги у воды и по колено в воде белолиственных вербах. На них взгляд Ивана Степановича никогда долго не задерживался, хотя вербы были по-своему красивы, с длинными прядями свисающей к воде серебряной листвы. Даже когда над рекой поднимался ветер, они не шевелились. Все так же свисали с ветвей их серебристо-седые космы. С этими космами они напоминали красивых бездетных женщин, у которых, кроме их красоты, не было в жизни никакой другой радости. Это была не греющая никого и навевающая только уныние красота. О чем они плачут?

Он сознавал, что несправедлив: верба — дерево как дерево, — но избавиться от своего чувства не мог.

Дорога уходила вперед под деревья, как в зеленый тоннель. Здесь и днем всегда стоял зыбкий сумрак, а сейчас, перед вечером, стало почти совсем темно. В листве и в придорожной траве трубили комары. Иван Степанович сломал верхушку дикой конопли и стал ею обмахиваться.

Потянулись отгороженные от дороги черноталовыми плетнями виноградные сады. До родников шли крутоярские сады, дальше — тереховские. Через плетень на дорогу свешивались чубуки. Осенью, когда созревает виноград, здесь прямо над головой висят желтые и черные гроздья.

В стороне, на склоне, женщины садовой бригады пели песню об огоньке, светившем солдату сквозь мрак войны из окна подруги. Запевал грубовато-сильный и чистый голос, ему вторили другие. Внезапно что-то перехватило горло Ивану Степановичу. Запевала Дарья. Та самая Дарья, у которой муж погиб перед концом войны в Австрийских Альпах. С тех пор ее голоса не было слышно в садах. Тогда, девять лет назад, Дарья была совсем молодая, и голос у нее был девически звонкий, а теперь он отяжелел и как бы налился. Но осталась в нем все та же берущая за сердце простота, которая заставляла тотчас же поверить песне. Спускаясь после рабочего дня из садов по склону, женщины несли песню с собой. Выше дороги, в междурядьях винограда, мелькали их платки и платья. Ниже дороги, серединой реки, летел остров под своими серебряными парусами.

VI

У родника, стекавшего со склона и перерезавшего дорогу, Иван Степанович опустился на колени напиться. Долго и жадно ловил губами тонкую ледяную струю, скачущую по зеленым камням.

— Что, Иван Степанович, хороша наша ключевая водица? — услыхал он над собой насмешливый женский голос.

Он поднял голову и посмотрел удивленными, вопрошающими глазами. Голос был знакомый — певучий грудной голос, — но разве можно было узнать кого-нибудь в этой стоявшей над ним, подбоченясь и чуть отставив в сторону ногу, женщине с лицом, сплошь оклеенным листьями, забрызганными крапинами синего раствора, которым опрыскивают в садах виноградные лозы. Чтобы едучий раствор не портил кожу лица, работавшие в садах женщины обмазывали лицо сметаной и обклеивали листьями.

Простая парусиновая кофта и такая же юбка женщины, сильные смуглые ноги и рабочие ботинки тоже были в синих крапинах. На лице одни глаза в узкой щели вызывающе смеялись. За плечами у нее висел жестяной бачок с раствором.

— А теперь угадываешь? — смеющимся голосом спрашивала она, отдирая от лица и бросая на землю листья, синие с той стороны, где они были забрызганы раствором, и белые с той, где они были намазаны сметаной. И все лицо женщины с темными, будто бархатными, полосками бровей было белым от сметаны.

— Так это же ты, Дарья?! — рассмеялся Иван Степанович.

— Ну да, я, — глядя на него, улыбалась женщина серыми глазами и яркими красными губами на белом лице. — Ты, Иван Степанович, не всю воду из ключа выпил? — говорила она, скидывая с плеч лямки бачка с раствором. — Тяжелый, чертяка, ну-ка поноси целый день почти два пуда.

Она стала на колени, как стоял до этого Иван Степанович, и, нагнувшись, долго пила прозрачную и холодную, журчавшую по камешкам воду. Потом умылась той же водой и вытерлась обратной, не забрызганной раствором стороной полы парусиновой кофты. Сметана смылась с ее лица, и оно стало румяно-смуглым и свежим. Удивительно насмешливое и стремительное выражение придавали ему эти бархатные полоски бровей, высоко и широко размахнувшиеся в стороны над серыми глазами.

Есть вино — пью его,
Нет вина — пью воду,
Ни за что я не отдам
Казацкую моду, —

уперев руку в бок и притопывая ногой, пропела Дарья.

Иван Степанович смотрел на нее улыбаясь. Ему стало весело.

— А то не правда? — вызывающе спросила Дарья. — Вот срежем осенью виноград — и тогда пить вино будем.

— Правда, Даша, правда, — охотно согласился Иван Степанович.
— Ну, а если правда, то помоги мне этого чертяку до хутора донести, — не растерялась Дарья. — Он мне за день все плечи оттянул. Почитай, как эта самая выкладка у солдата.
Иван Степанович вскинул на спину бачок с раствором, и они пошли рядом по дороге к хутору. Впереди и сзади них выходили из садов на дорогу женщины с тяпками. Все они были знакомы Ивану Степановичу и сейчас с ним здоровались.
Солнце скрылось за буграми, край неба горел над степью и уже тускнел, будто пепелился. Теплый майский туман сползал из степи по склонам на воду. Тихо было в воздухе, в садах и на реке. С левого берега колхозники луговой бригады возвращались домой на лодках. Две лодки, только что отчалившие оттуда, неслышно скользили через реку. Только чуть-чуть — «скрип, скрип» — ходили в гнездах весла.
Ехавшие на лодках женщины запели песню. Раствор переливался в бачке за плечами у Ивана Степановича. Дарья шагала медленными, усталыми шагами. На темнорусой прядке, выбившейся у нее из-под платка, остались капельки воды, замочившей ей волосы, когда она наклонялась над родником.
Слушая песню, они разговаривали друг с другом.
— Все, Иван Степанович, за пчелами гоняешься?
— Все за ними, Даша.
— Думаешь все же догнать эту самую золотую пчелу? — спрашивала она дружелюбно.
— Думаю догнать, — отвечал он со вздохом.
— Мой отец говорил: ветер в спину, — серьезно сказала Дарья.
— Спасибо, Даша.
Но тут же она заставила его помрачнеть:
— А вот твой братец ожидает, когда она сама к нему в руки прилетит.
— Ты же знаешь, Даша, какие это были годы, — нетвердо возразил Иван Степанович.
— С ним и при хорошем годе не попробуешь меду, — жестко сказала Дарья. — В других колхозах пасеки кочуют, а наша с весны стоит на бугре. Мы уже не мечтаем — на трудодни, хоть бы для детских яслей... Ты, Иван Степанович, рассердился на меня? — спросила она мягче.
— За что?
— За брата.
— Мне, Даша, на себя сердиться нужно, — сказал Иван Степанович.
— От одной матери вы, а разные, — заключила Дарья.
Идущие берегом женщины сначала только прислушивались к песне, а потом и сами запели. И те, что шли по берегу, и те, что плыли на лодках, пели одну и ту же песню. Но песня на реке чуть отставала и потому казалась эхом песни. И опять Иван Степанович почувствовал, будто кто-то горячими пальцами сжал ему горло.
— Что, берет? — внимательными глазами посмотрела на него Дарья.
— Берет, — признался Иван Степанович.
— Вот и я такая же, — помолчав, негромко сказала Дарья. — Тут родилась и выросла, сама эти песни пою, а как услышу, так сердце и повернется.
Они уже приближались к первым домикам хутора. Когда проходили мимо крайнего дома, возле которого стоял столб — полосатая веха, Иван Степанович снял фуражку и понес ее в руке. Дарья взглянула на него, и они поняли друг друга.
В домике, у которого стояла полосатая веха, раньше жил бакенщик Акимыч, старик с тремя сыновьями. Старшего сына его, первого председателя хуторского колхоза, убили в тридцатом году кулаки; второго, директора МТС, утопили в проруби фашисты; младший, разведчик, погиб на войне. Получив известие о гибели третьего сына, старик слег и больше уже не вставал. Бакены ездила на лодке зажигать и тушить его внучка Ольга. Но однажды в конце дня Акимыч встал и сказал, что поедет сам засветить бакены. Вечером с проходившего парохода у горевшего перед островом бакена увидели лодку, с которой свесился в воду вниз лицом человек. Когда подтянули лодку к пароходу и перевернули Акимыча на спину, увидели, что он мертв. Открывая путь пароходам, он успел зажечь бакен, и тут же, в круге падавшего на воду красного света, остановилось его сердце.
— Хорошо жил человек и хорошо умер, — сказала Дарья.
В хуторе они расстались. Дарье нужно было идти домой по верхней улице, а Ивану Степановичу — по нижней.
— К брату, небось, зайдешь? — спросила Дарья.
— Зайду, — сказал Иван Степанович.
— Зайди, зайди, может, помиришь их с Еленой. Вчера они опять делились.
— Делились? — потускневшим голосом переспросил Иван Степанович.
— Весь хутор собрали. Жалко мне Елену. По мне, чем такая жизнь, — горшки врозь и — до свиданья... До свиданья, — повторила она уже Ивану Степановичу и, повернувшись, стала подниматься по улице в гору.

VII

У дома брата Иван Степанович встретил старуху, мать Елены.
— Куда вы, Семеновна, в это время? — удивился он, заметив, что она держит в руке узелок и одета не по-летнему: в стеганую кофту, теплые чулки с галошами и полушалок.
— На луг ульи сторожить, — ответила она неохотно.
Иван Степанович увидел, что лицо у нее сумрачное и глаза укоряющие. Она хотела тут же пройти мимо, но он задержал ее в калитке.
— Опять, Семеновна, плохо? — спросил он, показывая глазами на окна дома и понижая голос.
— Нет, уже помирились, — сказала она и вдруг всхлипнула. — Теперь опять я буду виновата...
И, оглядываясь на окна, в которых горел свет, она рассказала Ивану Степановичу, что на этот раз Елена совсем было разошлась с мужем. Она уже наняла на стороне и квартиру, а потом они полезли делить ссыпанную на полатях пшеницу, вспомнили там, как все это вместе наживали, и там же, на куче зерна, помирились. Слезли с полатей притихшие, и теперь в доме все пока спокойно до нового скандала.
— Вы, Иван Степанович, только ему не скажите, а то мне совсем... — Старуха снова всхлипнула и, не договорив, пошла вниз по улице к переправе.
Брат в синей новой косоворотке с белыми пуговицами лежал на кровати. На грудь ему вспрыгнул черный, с куцым белым хвостиком козленок. Приподнимая голову от подушки, брат учил козленка бодаться. Должно быть, старые козы Белка и Галка недавно окотились, в доме было четверо или пятеро белых и черных козлят. Отовсюду мерцали их зеленые бесовские глаза.
Елена сидела в углу на сундуке, вязала мужу носки из козьей шерсти.
— Ага, пришел, — встретил брат Ивана Сте-

пановича. И, спуская козленка на пол, встал с кровати. — Здравствуй. А у нас на ферме опять свиноматка пала.

— Ты говоришь это так, будто для меня приберегал эту новость, — сказал Иван Степанович.

Они взглянули друг на друга, и между ними, как между двумя электрическими полюсами, с первой же секунды проскочила искра неприязненности, которая могла потом дать вспышку. Но, зная себя, Иван Степанович решил на этот раз сдержаться и поговорить с братом по-хорошему.

Елена собрала на стол, достала из шкафа бутылку с виноградным вином и снова ушла к себе в угол, склонилась над вязаньем, поглядывая оттуда на братьев своими наивными, чем-то удивленными глазами. Иван Степанович и раньше заметил, что она в дни раздоров в семье как-то жалко хорошела. В такие дни ему чудился в ее глазах скрытый упрек. И он ощущал какую-то и свою вину перед Еленой.

Братья сели за стол друг против друга, выпили по стакану вина. Кисленькое и совсем слабое, оно слегка отдавало уксусом.

— Что-то я во дворе не заметил твоих ульев? — спросил Иван Степанович у брата.

— Они там, — брат махнул рукой.

— На лугу?

— Уже две недели, как мы их с Еленой перевезли. У Золотого озера поставили. Старуха сторожует.

— Маму там комары заели, — вставила из своего угла Елена.

— Не съедят, — не оборачиваясь, бросил через плечо брат. — У старых кожа — не то, что у нас.

— Как-то странно, — закипая глухим раздражением, но сдерживаясь, сказал Иван Степанович, — свои ты перевез, а колхозные на бугре стоят. Пчелы должны за семь верст за взятком летать.

— Ничего странного не вижу, — сухо ответил брат, и глаза у него блеснули. — Шесть ульев и шестьдесят — большая разница. Не напросишься машины их с места на место перевозить... Это же кол-хоз.

— Скажи, Степан, за что тебя не любят люди в колхозе? — устало спросил Иван Степанович.

Он почувствовал, как при этом вопросе Елена вдруг сверкнула на них из угла острым, пронзительным взглядом и опять низко склонила над вязаньем голову.

— Каждому не будешь хорош. Ты скажи, кто? — брат прищурился.

— Каждому — это да, — согласился Иван Степанович.

Он и сам знал, что в жизни нельзя быть со всеми хорошим. И не это он имел в виду, спрашивая брата.

— Ты точно скажи: кто? — настаивал брат.

— Например, Дарья.

— Дарья? — поднял плечо брат, и на секунду на его лице отразилось искреннее недоумение. Но он тут же нашелся: — Дарья пусть лучше меньше перед председателем юбкой машет.

— Ты же знаешь, Степан, что это брехня, — тихо сказал Иван Степанович.

— Все знаю! — ожесточаясь, подхватил брат. — Я знаю, почему и ты зачастил к ней в бригаду.

— Степан! — еще тише сказал Иван Степанович.

Но брата уже нельзя было остановить.

— Все они тут бездельники и жулики, — говорил он, перегибаясь через стол и приближая лицо к Ивану Степановичу. — Одним словом, колхоз. Ты понимаешь русский язык: кол-хоз.

Это слово он произносил теперь презрительно и так же чуть в нос, как в свое время слово «го-род». И о людях брат отзывался так, будто до него они здесь ничего не сделали. Будто это не они построили здесь колхоз, засадили эти бугры виноградными лозами, а потом, когда их пожгли и потоптали фашистские танки, подняли сады из золы, отходили и опять стали жить в колхозе.

Иван Степанович вспомнил убитого кулаками старшего сына Акимыча, вспомнил женщин, устало идущих по берегу из садов с тяпками на плечах, Дарью, которая вырастила без мужа четверых детей и опять в садах поет песни. В том, как брат говорил о колхозе, Ивану Степановичу слышалось надругательство и над ними. Он уже не мог больше сдерживаться.

— Я тебя, Степан, отстраняю от пасеки, — сказал Иван Степанович.

— Ты? — с недоверием посмотрел на него брат.

— Я, — подтвердил Иван Степанович.

Они оба встали из-за стола и смотрели друг на друга тяжелыми взглядами.

— Ну, это мы еще посмотрим, — приходя в себя после первой растерянности и поднимая вверх правое плечо, сказал брат. — Я к тебе в работники не нанимался. Как общее собрание решит. Это колхоз.

Вот когда он вспомнил о колхозе не так, как он вспоминал всегда, и выговорил это слово не врастяжку, а твердо и четко! И от этого он стал еще более неприятен Ивану Степановичу.

— Сдашь пасеку, а собрание потом утвердит. Ну и вот, — неожиданно заключил он так, как обычно говорил брат.

— А-а! — вдруг взвизгнул брат. — Так вот ты какой мне брат! Тебе чужие люди роднее?!

VIII

Их разделял стол. Елена смотрела на них из угла испуганными глазами и невольно отмечала, что, несмотря на то, что они были совсем разные, — Иван Степанович приземистый, широкий, с большой, лобастой головой, а Степан, ее муж, — худой, остролицый и весь какой-то вихляющийся, — сразу можно было определить, что у них одна мать. Это вдруг выступило в их тяжело сверкающих, углисто-черных у одного и другого глазах, в ожесточенно обозначившихся резких чертах их лиц и в беспощадном выборе слов, которым они могли научиться только в одной семье и которыми теперь осыпали друг друга.

— Ты на себя посмотри, — бросил Иван Степанович в лицо брату. — Людей ругаешь, а сам?

— Грыжа у меня, ты понимаешь русский язык, грыжа! — кричал брат.

— Давно бы на операцию лег. Она тебе нужна. Ты ею закрываешься!

— Ты что мне, судья? — спрашивал брат. — Порядки свои устанавливаешь?!

— Женщины сдадут детишек в ясли — и в степь, на луг, в сады. А ты тут с козлятами!

— Это ты ей скажи, — оглядывался брат на Елену. — Им с матерью корова да козы белый свет затмили!

— Хорошо, Степа, давай их продадим, — дрогнувшим голосом сказала Елена.

Она и в самом деле любила своих коз и корову до беспамятства, называла их уменьшительными именами: Розочка, Белочка, Галочка. Но теперь она была согласна и продать их, лишь бы это помогло установиться миру в их доме.

Но ее слова только больше подогрели мужа.

— Ты их наживала? — как на пружине повернулся он к Елене. — Ты забыла, как я вас с матерью на Кубани в чем были подобрал?!

Иван Степанович уже не помнил, что он говорил брату. Но говорил он то, что когда-то думал.

— Больного человека ни во что поставил. Чадишь по ночам, из дома выкуриваешь.

— Ага! — кричал брат. — Я же говорил, что они тебе жалуются. Одна порода. Вот брошу и уйду! Оставайся тут с ними.

— Не уйдешь! — выкрикивал ему в лицо Иван Степанович. — Ты без них пропадешь. Они на тебя батрачат.

— Ха, ха, но-ва-тор! — вихлялся и дергал плечом брат. — С чужого улья слямзил, а умные люди за руку схватили.

Этого Иван Степанович уже не мог вынести. Он не помнил, как схватил брата за воротник косоворотки и рванул к себе. Захрустели и посыпались на пол перламутровые пуговицы.

Испуганно вскрикнула Елена. Иван Степанович взглянул на нее незрячими глазами, выпустил воротник брата и, повернувшись, бросился к двери. По дороге он отшвырнул ногой что-то мягкое. Жалобно мемекнул козленок.

У калитки он услышал за собой торопливые шаги. Его догоняла Елена.

— Иван Степанович! — позвала она задыхающимся голосом. — Иван Степанович, как же это так?! Что же это такое?!

Он обернулся и увидел ее глаза под страдальчески изломавшимися бровями.

— Уходи ты от него, Елена, — сказал Иван Степанович.

— А как же, Иван Степанович, хозяйство? — спросила Елена. В ее глазах стояли слезы.

— Бросай все и уходи, — повторил Иван Степанович. — Он только одного себя любит.

IX

Чтобы выйти на дорогу, ведущую в свою станицу, Ивану Степановичу надо было подняться и потом опять спуститься по горбатой улице, на которой жила Дарья. Ее дом стоял на углу. В струе света, лившейся из окна, купалась чеканная, бархатная листва белого тополя. Он был как родной брат тому веселому и шумному тополю, мимо которого шел сегодня Иван Степанович по дороге к хутору.

Он остановился под деревом, увидев в освещенном квадрате дарьиного окна ее склоненную над столом голову с гладко причесанными и уложенными на затылке в узел русыми волосами. На Дарье была не парусиновая, забрызганная раствором кофта, а розовая крапчатая кофточка, заколотая на груди белой брошкой. И в лице ее было теперь не стремительно-насмешливое выражение, а задумчивое и немного грустное. Склонившись над столом, Дарья шевелила губами и бровями, должно быть, записывая в бригадную ведомость трудодни работавшим сегодня вместе с нею в садах женщинам.

Но вот она подняла лицо, брови ее разлетелись вверх и в стороны, а глаза сузились и глянули сквозь окно настороженно и ждуще. У Ивана Степановича сердце забилось в груди, точно он взошел на крутую горку. Он отступил в темноту и стал спускаться по улице к реке, на дорогу.

Уже за хутором он услышал впереди тот глуховатый звон и пенящийся шум, который разносится по реке от идущего парохода. Потом из-за поворота скользнул по воде и заплясал на гребешках небольших волн луч прожектора. Пароход, как большой, плывущий по воде завод, прошел мимо Ивана Степановича и вскоре поравнялся с бакеном, у которого окончил свою жизнь Акимыч. Теперь у этого бакена капитаны ходивших по реке судов салютовали гудками.

И вот до Ивана Степановича донесся этот звук, густой и вибрирующий, как полет шмеля, услышав который он почему-то, как всегда, прибавил шагу.

Константин Даниель Розенталь (1820—1851). РЕВОЛЮЦИОННАЯ РУМЫНИЯ. 1848 год.

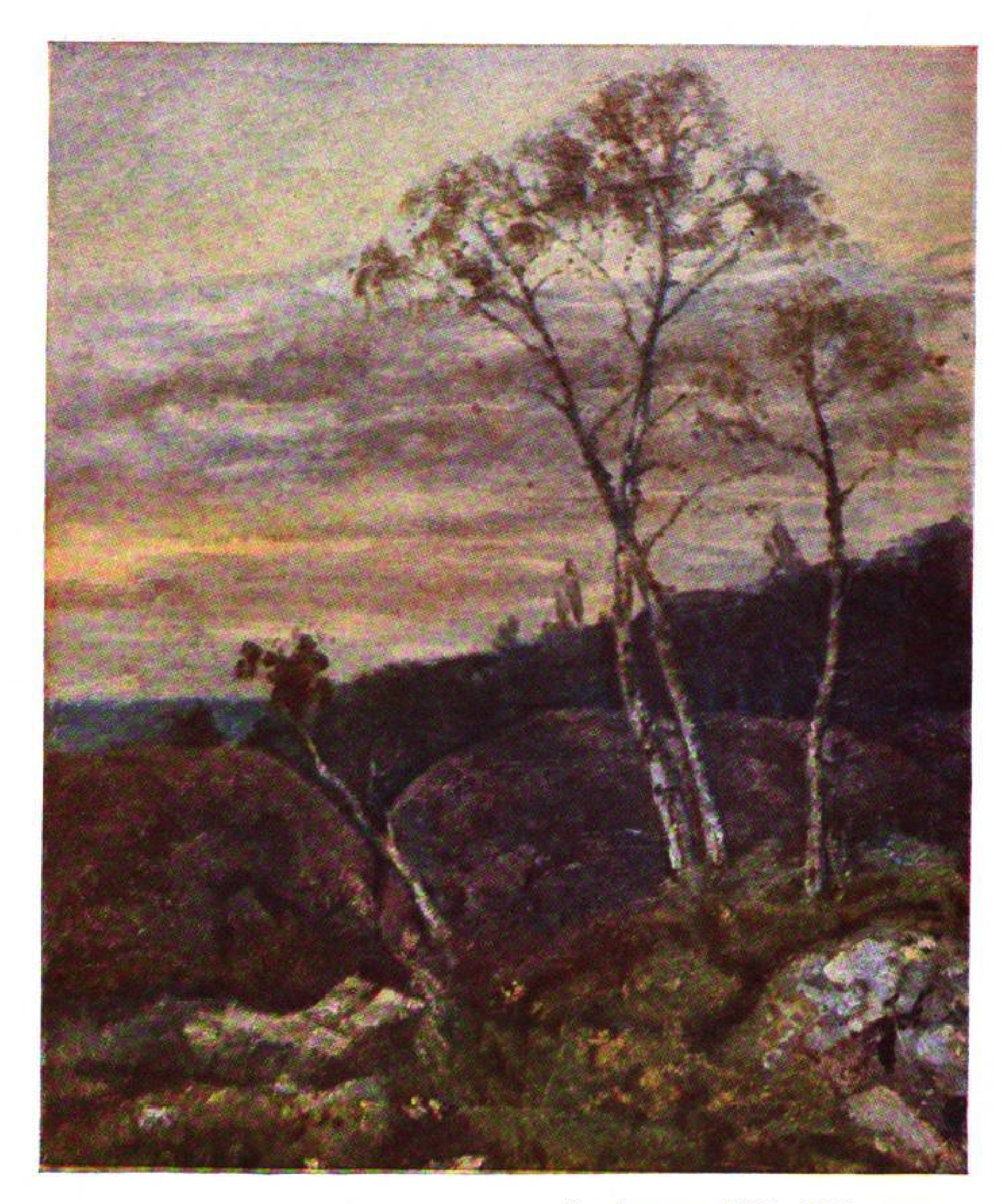
РУМЫНСКАЯ ЖИВОПИСЬ

Произведения, которые печатаются на наших вкладках, представляют лучших художников Румынии, живших и творивших во второй половине XIX и в XX веке. Творчество этих превосходных живописцев какой-нибудь десяток лет тому назад было мало известно не только за пределами страны, но и у себя на родине. Причиной было то обстоятельство, что все наиболее ценное из национального художественного наследия до освобождения страны находилось в королевских замках, в частных собраниях, доступное для обозрения лишь небольшой горстке зрителей.

Этапной для развития румынского искусства была творческая деятельность Иона Негулича, Константина Даниеля Розенталя и Барбу Исковеску — участников революции 1848 года. Работая в основном в жанре портрета, эти художники пишут галерею образов революционеров. Главное внимание их направлено на раскрытие характеров борцов за свободу и социальную справедливость, показ героического начала этих натур, их мыслей и дум.

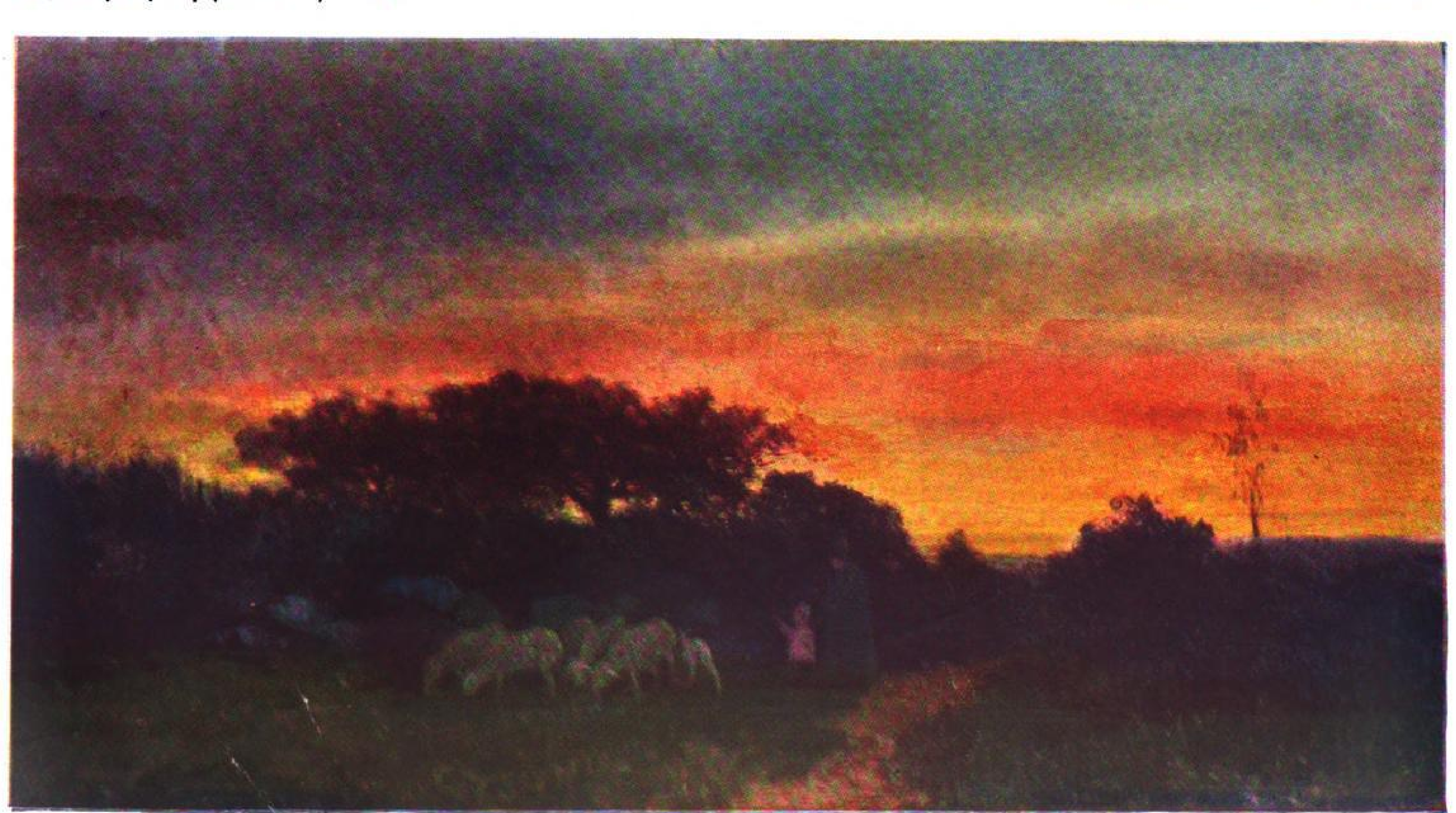
Константин Даниель Розенталь (1820—1851) не ограничивается рамками портретной живописи; сюжетным его произведениям присущи аллегорические мотивы. Борьбу румынского народа за свободу художник изображает символически, в виде портрета молодой красивой женщины,— «Революционная Румыния». Несмотря на мягкость и женственность черт лица и всего облика этой прекрасной девушки в народной одежде, ее решительный и непреклонный взгляд, твердо сжатые руки, независимая и гордая посадка головы — все говорит об огромной силе духа, о воле, присущих этому образу. Высокая техника рисунка, романтический пафос, вдохновенный облик девушки, выразительная гамма красок запоминаются надолго.

Глубоко трагична судьба Розенталя: в 1851 году художник за участие в революции был арестован агентами венского правительства и умер под пытками. Он не выдал друзей, не произнес ни слова, которое могло бы

Ион Андрееску (1850—1882). СКАЛЫ.

Николай Григореску (1839—1907). ЗАКАТ.

повредить делу революции — делу всей его полной лишений и трудностей жизни.

Образы трудовых людей, их быт нашли широкое освещение в работах Николая Григореску, 115-летие со дня рождения которого недавно отмечалось в Румынии. В его картинах сцены трудовой жизни крестьянина представлены с большим реалистическим мастерством, знанием быта, любовью к изображаемым людям.

Многообразно творчество Григореску: он пишет портреты, натюрморты, пейзажи, жанровые сценки, и все это проникнуто необычайной поэтичностью. Григореску остается непревзойденным в отображении румынского пейзажа. В напечатанной на вкладке картине «Закат» мы словно чувствуем дуновение вечернего ветерка, прохладу от туч, набежавших на небо... Фигурка мальчика, пасущего стадо, дополняет очарование этого пейзажа, написанного с мастерством великолепного рисовальщика и живописца.

Любовь к родной природе ощущается и в жанровых его произведениях. В картине «За вышиванием» мы ясно представляем сад, виднеющийся в отворенной двери, с его причудливой игрой солнечных лучей, пробивающихся сквозь листья деревьев, и словно ощущаем теплоту и свежесть воздуха.

Смотря на женщину, которая не может оторваться от своей работы, вспоминаешь слова художника о его детстве: «С иголкой в руках вырастила нас бедная мать. Она приложила немало стараний, чтобы дать нам возможность получить хотя какое-либо образование».

В 1877 году Григореску участвует в борьбе своего народа с турецкими поработителями. В его глубоко правдивых произведениях на эту тему на первом плане всегда человек из народа, простой солдат, героически сражающийся за свободу своей страны. На упреки в том, что в его картине «Атака под Смырданом» нет ни одного офицера, Григореску ответил: «...офицеры в это время были слишком далеко от солдат, и... не вошли в кадр».

Богатый колорит, поэтичность полотен Григореску, а главное, тесная связь его творчества с жизнью дают основание считать этого мастера подлинно народным художником.

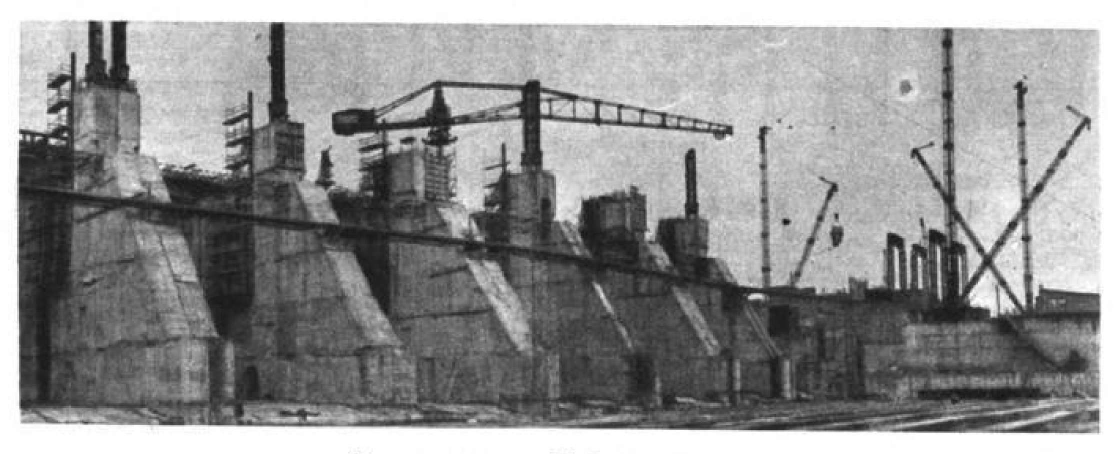
Глубокой поэзией отличаются и пейзажи Иона Андрееску (1850—1882). Правда, в них больше суровости, строгости, преобладают печальные серые тона, и, тем не менее, его лесные пейзажи полны неотразимого очарования. Тяжелые условия жизни художника отразились на его творчестве, небогатом по количеству, но глубоком по содержанию. Его картины раскрывают перед зрителем ужас нищенского существования, на которое был обречен румынский народ.

К началу XX века румынская живопись приобретает все более ощутимое социальное направление, все сильнее в ней мотивы протеста. Впервые в истории румынского искусства появляются образы рабочих у Октава Бенчила (1872—1944). В его произведениях мы ощущаем четкость общественных позиций художника. Революция в России в 1905 году, а затем крестьянские восстания в Румынии в 1907 году, при бесчеловечном подавлении которых было зверски убито 11 тысяч крестьян, стерты с лица земли целые деревни,— все это окончательно сформировало мировоззрение художника. Бенчила создает ряд произведений, в которых с глубоким драматизмом передает жестокость кровавой расправы 1907 года. «1907 год», «Казнь», «Опознание убитых», «Погребение» и другие являются суровым обвинительным актом против всего тогдашнего строя. Картина «1907 год» — единственно уцелевшая из этой серии (остальные были уничтожены). На темном фоне поля, освещенного заревом пожаров, бежит крестьянин, вокруг падают смертельно раненные люди, трупами устлано поле. На его лице не только ужас, но и ожесточение и глубокая ненависть к палачам...

Различны манеры представленных на наших вкладках художников, различна их жизнь, но всех их роднит глубокая преданность своей родине, своему народу, выдающееся мастерство. Вот почему их творчество обогатило не только румынское изобразительное искусство, но и сокровищницу мирового искусства.

И. СЕМЕНОВА

Гидростанция на Днестре

На строительстве Дубоссарской ГЭС.

Фото М. Савина.

На Днестре, возле зеленого города Дубоссары, ночи озарены электрическим заревом. Над рекой скрещиваются лучи прожекторов, освещая обширную стройку. Крупные южные звезды, кажется, опустились еще ниже, будто хотят лучше рассмотреть, что же нарушило вековую тишину на берегах «молдавской Волги».

Здесь, на левом берегу Днестра, сооружается первая в республике государственная гидростанция. Уже поднялись во весь свой богатырский рост двадцатипятиметровые быки, полным ходом идет строительство здания ГЭС, где начался монтаж турбин.

Сейчас, когда закончено строительство плотины, на стройке наступили горячие предпусковые дни. Напряженно трудятся бетонщики, монтажники, крановщики, бульдозеристы, опалубщики. Среди них немало строителей, участвовавших в сооружении Усть-Каменогорской, Цимлянской и Каховской гидростанций. С приднестровских сел пришли на стройку и успешно овладели новыми профессиями молдавские колхозники: Гавриил Добижа — теперь он опалубщик, Ксения Бельчу — бетонщица, Иван Дурбала — мастер.

Высокими трудовыми достижениями прославила свое имя молодая электросварщица Евдокия Сандул — депутат Верховного Совета Союза ССР. Близок день, когда в ее родном селе Лунга, в десятках дальних и ближних молдавских сел и городов вспыхнут лампочки, зажженные энергией Днестра.

Плотина Дубоссарской ГЭС поднимет уровень воды в Днестре на шестнадцать метров. Образуется «молдавское море» площадью в 67 квадратных километров. Из района затопления переселилось на новые места несколько сел, а возле городов Рыбница и Резина создаются защитные дамбы.

На гидростанции будут установлены четыре турбины. С пуском Дубоссарской ГЭС выработка электроэнергии в Молдавии возрастет примерно в три раза.

В. РУДИМ

Встреча чапаевцев

...Кончив свой последний бой, раненый начдив Чапаев вошел в реку и поплыл на ту сторону. Ординарец начдива Петр Исаев прикрывал с пулеметом его отход. Но белоказаков было слишком много, и они вышли к берегу. Пули взбурлили воду.

— Врешь, не возьмешь!

Но то ли пуля все-таки нашла в воде начдива, то ли стало невмоготу ему, раненному еще в бою на городской площади в Лбищенске,— только опустился он под воду и не показался больше. Расстреляв по белоказакам последнюю ленту, Петр Исаев вынул наган и выстрелил себе в висок...

Страшен был гнев чапаевских полков, когда они узнали о гибели начдива. Страшна была их месть белоказакам...

Это случилось 35 лет назад, 5 сентября 1919 года. Много воды унесла с тех пор Урал-река, схоронившая Василия Ивановича Чапаева.

После гражданской войны судьба разбросала бойцов и командиров Чапаевской дивизии по всей стране. Кто поехал строить заводы, кто пошел в деревню налаживать хозяйство, кто решил учиться.

Но память о начдиве спаяла их на всю жизнь. Сейчас многим из них уже под шестьдесят, а то и больше, но они попрежнему называют друг друга чапаевцами.

3 сентября в московском Политехническом музее состоялся вечер, посвященный памяти легендарного начдива. Пришли сюда и чапаевцы.

Пришли не только те, кто живет в Москве. Некоторые, например бывший командир взвода в 25-й Чапаевской дивизии, а ныне полковник в отставке Александр Иванович Ушмакин, бывший комбриг, а ныне агроном колхоза «20 лет Октября», Воронежской области, Ефрем Ильич Аксенов, специально приехали в столицу на эту традиционную встречу.

Герой Советского Союза генерал-полковник Николай Михайлович Хлебников, бывший начальник артиллерии Чапаевской дивизии, открыл вечер. И потом один за другим выходили на трибуну чапаевцы.

Мария Андреевна Попова, которую все знают как пулеметчицу Анку, сейчас ушла на пенсию, но продолжает работать лектором Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний.

Герой Советского Союза генерал-лейтенант Александр Васильевич Белянов, сподвижник великого нашего летчика Валерия Чкалова, когда-то был в Чапаевской дивизии адъютантом артиллерии.

Чапаевская дивизия в Великую Отечественную войну была грозой для фашистов. Воспоминаниями о боевых делах дивизии поделилась Герой Советского Союза снайпер Людмила Михайловна Павлюченко.

На вечер пришла старшая дочь Чапаева, Клавдия Васильевна. У нее уже взрослый сын, в будущем году он кончает военное училище.

Сын Чапаева, Александр Васильевич, кончил войну в звании полковника. Сейчас он депутат Верховного Совета Украинской ССР.

Над столом президиума висел портрет Василия Ивановича Чапаева. Но всем казалось, что он сам, живой и невредимый, присутствует на вечере.

О. ШМЕЛЕВ

В Политехническом музее. На снимке (на переднем плане справа налево): Н. М. Хлебников, М. А. Попова, К. В. Чапаева.

Фото Ю. Кривоносова.

РЕЙС МИРА И ДРУЖБЫ

К. НЕПОМНЯЩИЙ,
специальный корреспондент «Огонька»

Фото Н. Ананьева.

Еще не рассвело, когда мы вступили на борт маленького парохода «Тайфун», направлявшегося в Финский залив. Идем навстречу польскому пароходу «Баторий», совершающему рейс мира по портам балтийских стран. Накануне, в субботу, он вышел из Хельсинки и сейчас приближался к советским берегам.

Легкий ветер сменился штилем, и «Тайфун» мягко коснулся борта «Батория». Вслед за лоцманом и врачом мы поднялись по трапу и через минуту ощутили под ногами твердую палубу океанского парохода.

Первое, что привелось нам услышать на «Батории», была песня — известная шведская народная песня «Блестит звезда в далекой синеве». «Старожилы» корабля объясняют нам, что шведские, норвежские, финские, датские, польские, немецкие песни, сменяя друг друга, беспрерывно звучат над палубой «Батория» начиная с 26 августа, когда корабль вышел в рейс мира.

Вот и теперь, несмотря на ранний час, на лайнере оживленно, шумно, играет музыка. Сегодня участники рейса прибывают в город Ленина.

На палубу выходят люди в яркой национальной одежде — мужчины в коротких штанах, заправленных в белые гетры, и красных полосатых жилетах, женщины в цветастых, расшитых платьях.

Только что вышел специальный выпуск корабельной газеты «Почта рейса», посвященный Ленинграду. Эта газета ежедневно выходила на «Батории» тиражом в 900 экземпляров.

В просторном салоне мы знакомимся с Бентом Гуннесом, талантливым шведским писателем-публицистом, секретарем Шведского комитета защиты мира. Бент Гуннес говорит, что идея этого рейса зародилась еще два года назад среди простых шведов, участников движения за мир, однако только сейчас представилось возможным осуществить ее. Несмотря на различные затруднения, в том числе и денежные, желающих принять участие в рейсе оказалось намного больше, чем мог бы взять на борт даже такой большой лайнер, как «Баторий». Организаторы рейса вначале рассчитывали, что в путешествии примет участие около 400 человек. И вот на борту 566 шведов, 113 финнов, 79 датчан, 18 норвежцев, а ведь едут еще и представители сторонников мира Польши и Германской Демократической Республики.

— В этом салоне, — говорит подошедший к нам швед Ионсон,— собираются люди различных политических убеждений.

— Впрочем, — шутливо добавляет датский строитель,— сторонников «европейской армии» здесь нет...

Ионсон — металлист, он работает в известной стокгольмской компании «Эриксон». С какой целью он предпринял эту поездку? Не обманулся ли он в своих ожиданиях?

— Обманулся ли я? — переспрашивает Ионсон.— Нисколько. Это путешествие превзошло самые смелые мои ожидания! Я шведский рабочий и заинтересован в мире. Когда я купил билет на «Баторий», то, конечно, знал, что встречу друзей в Дании, Польше и Германии — во всех балтийских государствах, через которые лежал наш путь. Но я не представлял себе, что нас, сторонников мира, так много повсюду!

Ионсон всегда считал, что чем чаще встречаются простые люди разных стран, тем лучше для дела мира. На борту «Батория» эта уверенность окрепла. Хотя участники рейса мыслят о многих вещах по-разному, но все они сходятся на том, что советская идея коллективной безопасности Европы — это как раз то, что нужно простым людям.

За беседой мы не заметили, что окружены плотным кольцом пассажиров, с сочувствием слушающих Ионсона. Среди участников рейса мира не только рабочие. Здесь вы встретите и художников и врачей. Справа у окна стоит банкир со своей супругой, а вот входят в салон ночной сторож и полисмен. Есть среди пассажиров и артисты и ученые.

Трудно, конечно, перечислить все профессии, представленные на «Батории». Не лишним будет упомянуть, что на борту корабля мира около ста домашних хозяек. Одна из них, седая женщина в темных очках, называет свое имя: Рангильда Колетт из Осло. В руках у нее маленький национальный флаг Норвегии.

— Соседи, узнав, что я отправляюсь в путешествие на «Батории», называли меня старой дурой, — говорит г-жа Колетт и добавляет: — Скажу прямо: у нас нелегко бороться за мир. И все же у меня такое чувство,— продолжает свою мысль Рангильда Колетт,— что идет сплочение сторонников мира в наших северных странах.

Хозяйка пошивочного ателье Карин Андерсон тоже признает, что некоторые ее друзья скептически отнеслись к рейсу мира. А что говорили ее заказчики? О, она не хотела бы упоминать о заказчиках: это ей может повредить. Но о своих чувствах, о себе самой она охотно скажет несколько слов.

— Я отправилась в рейс на «Батории», чтобы своими глазами увидеть Польшу, Германскую Демократическую Республику и Советский Союз. И теперь, господа, я не раскаиваюсь в том, что предприняла это путешествие. Я очень довольна!

«Баторий» прибыл в Ленинград.

Гостей приветствовал ответственный секретарь Советского комитета защиты мира Михаил Котов.

Диктор объявляет, что уже виден Ленинград. Затем кто-то просит полной тишины. Оказывается, в салоне установлен микрофон «Последних известий по радио». Сейчас будет выступать находящаяся среди участников рейса г-жа Андреа Андреен. Она подходит к микрофону в своем скромном сером жакете, в петлице которого — золотая медаль лауреата международной Сталинской премии.

— Дорогие друзья! — говорит Андреа Андреен. — Я счастлива посетить Ленинград — один из красивейших городов мира. Я люблю его мужественный народ, так храбро защищавший свою Родину в годы войны и так героически восстанавливающий все, что было разрушено фашизмом. Все мы, находящиеся на борту «Батория», счастливы видеть Ленинград в лучах солнца!

В салон врывается гул приветствий. Все устремляются на палубу. Лучшие места уже, конечно, заняты. Поднимаемся на капитанский мостик: отсюда открывается панорама Ленинградского порта, украшенного национальными флагами Советского Союза, Швеции, Норвегии, Дании, Финляндии. Тысячи ленинградцев собрались для встречи участников рейса мира. Полна не только пристань — народ теснится на крышах портовых зданий, молодежь облепила подъемные краны. У празднично украшенной трибуны, окруженные ленинградцами, стоят шведские, норвежские, датские, финские, польские и немецкие гости. Их приветствует ответственный секретарь Советского комитета защиты мира Михаил Котов. Он говорит, что советский народ, так же как народы северных стран, полон решимости бороться за то, чтобы балтийские берега были всегда мирными берегами, а само Балтийское море — морем мира и дружбы...

Лауреат международной Сталинской премии «За укрепление мира между народами» госпожа Андреа Андреен среди участников рейса.

* * *

Вечером гости прибыли во Дворец культуры имени Кирова. Здесь они беседовали с рабочими ленинградских заводов и фабрик. Эдвин Петерсон, деловой человек из Стокгольма, если говорить откровенно, предпринял это путешествие как турист. Но сейчас он видит, что рейс мира, бесспорно, поможет взаимопониманию между Швецией и Советским Союзом. А там, где есть взаимопонимание, там создается основа и для торговли. Господин Петерсон в этом лично заинтересован, как и многие шведы, он приветствует каждую обоюдовыгодную сделку.

Во время митинга в Ленинградском порту.

Во Дворце для гостей был дан концерт художественной самодеятельности. Веселым смехом, шутками и дружными аплодисментами встретили гости детей ленинградских рабочих, исполнявших народные танцы.

В зале наступила полная тишина, когда объявили о выступлении военного моряка Г. Петрова. Он вышел на сцену под гром аплодисментов.

Блестит звезда в далекой
синеве...

Петров поет по-шведски. Это та самая песня, которую мы слышали сегодня ранним утром, вступив на палубу «Батория».

В день приезда гости осмотрели город Ленина.

Памятник «Слава».

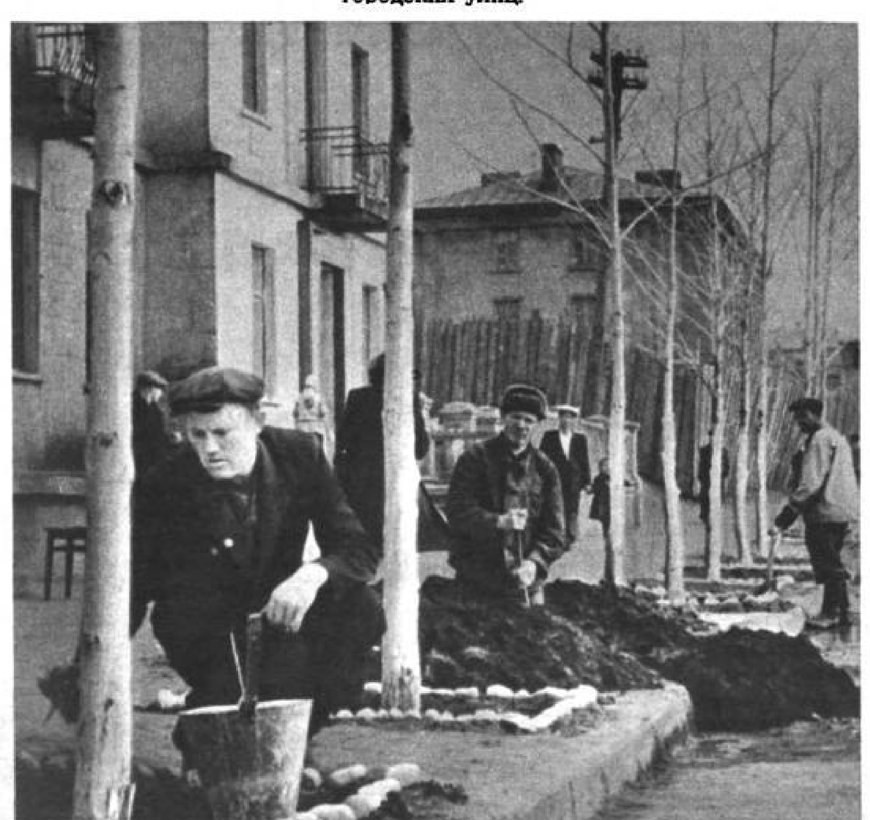
НА КАМЧАТКЕ

Макс ЗИНГЕР

Фото С. Пунегова и А. Браткова.

За четверо суток теплоход «Норильск» доставил пассажиров из Владивостока в Петропавловск-Камчатский. За четверо суток были пройдены моря Японское, Охотское и, как говорили моряки, краешек Тихого океана. Когда «Норильск» вошел в Авачинскую губу, мы увидели с борта панораму города. Кто был здесь лет двадцать назад, сейчас не узнал бы Петропавловска. Он разросся на трех сопках, утопает в зелени. Шумят ниспадающие с сопок веселые потоки. Их питают ключи и снеговая вода. Уже летние дни пошли на убыль, а на остроконечных вершинах еще белеют снега...

Пройдет несколько лет, войдут в силу эти деревца — и не узнаешь городских улиц.

Первый автомобиль был доставлен в Петропавловск накануне первой мировой войны. Это была машина камчатского губернатора. Рычаги скоростей находились за бортом автомобиля. Пьяный шофер разбил машину, налетев на столб. Шофер и сам губернатор утверждали, что воздух Камчатки не годится для... бензинового мотора.

Сейчас по улицам Петропавловска течет поток грузовых и легковых машин.

До революции в Петропавловске была не пристань, а пристанёшка, и стояла она на козлах. Войти в петропавловский ковш считалось большим событием, решением крупной морской задачи. Смельчаков-капитанов поздравляли в таких случаях с победой.

Капитан парохода Камчатрыбфлота «Ительмен» А. Е. Миронов рассказывал нам, как возил недавно на Камчатку первые городские поливочные машины. Они теперь поливают улицы города, спасая жителей от мельчайшей вулканической пыли.

Весной на улице Ленина сажали молодые тополя. Люди преображали город. Спустя два месяца мы увидели эти молодые тополя, уже украшенные клейкими листочками.

По улице шли курсанты Петропавловского мореходного училища — будущие капитаны и судовые механики.

Жители Камчатки помнят, как возили их в твиндеках пароходов, мало приспособленных для пассажиров. В твиндеках было нестерпимо душно. Теперь к услугам пассажиров целый ряд быстроходных, больших и малых судов с удобными каютами первого, второго и третьего классов. На судах есть кино, читальные залы, открыты рестораны, танцевальные залы.

Город строится, растет, ширится, поднимается в сопки. Появилась новая улица. Ее назвали Океанской. На окраинах заложены два новых поселка. Сотни миллионов рублей выделяются для того, чтобы лучше жилось рыбакам, строителям, учителям, морякам и исследователям Камчатки.

На западном побережье Камчатки построено много домов. Выросли здания клубов, школ и больниц. В этом году были выданы аттестаты зрелости первым выпускникам средних школ при Озерновском и Кихчикском рыбокомбинатах.

Почти все рыбокомбинаты снабжены мощными подъемными кранами, легко поднимающими громоздкие тяжеловесы — локомобили, автомашины — и переносящими их, как перышко, с кунгаса на берег.

Уже давно забыли в Петропавловске-Камчатском, как люди вручную, мешками, таскали на себе уголь и ссыпали его в бункера пароходов. Теперь для этого есть мощные краны. Грейфер захватывает разом до четырех тонн угля и сыплет его прямо в бункер судна из своей огромной железной горсти. Вместо четырех суток, как бывало прежде, пароходы забункеровываются полностью в один день.

Директор Камчатского краеведческого областного музея Клавдия Васильевна Мечтанова говорила нам:

— Так сильно изменилась за последние годы жизнь на Камчатке, что порою теряешь чувство расстояния, и кажется, что ты в Москве. Ведь лет пятнадцать назад газеты приходили сюда в полгода раз: привозили одновременно около двухсот номеров! Их и просмотреть-то не было возможности. А теперь московские газеты мы читаем на пятые сутки после выхода в свет. У нас свой театр, кинотеатры на берегу и кораблях. Выходит ежедневная газета «Камчатская правда», имеющая широкий круг читателей. Работает радиотрансляционная сеть.

* * *

Пассажирам, прибывающим к Петропавловску-Камчатскому с моря, издалека видна Никольская сопка. Это знаменитая гора. Здесь сто лет назад мужественные защитники Петропавловска разгромили вражеский десант, пришедший с целью захватить город и завладеть Камчаткой.

Сто лет назад, когда англо-французская эскадра вошла в Ава-

чинскую губу и стала на рейде, наводя орудия на Петропавловск, здесь был маленький городок — всего около тысячи шестисот жителей и полутораста домов. Город этот был основан в 1740 году и назван в честь зимовавших здесь пакетботов «Петр» и «Павел», на которых плавали знаменитые русские мореходы — капитан Чириков и командор Беринг.

Здесь, на берегу бухты, век назад стояли бревенчатые здания адмиралтейства и казенных магазинов. Вдоль Большой Камчатской, единственной в то время улицы, послужившей впоследствии началом улицы Ленина, стояли казармы, офицерские флигели, домишки и хижины, крытые дерном и похожие на землянки.

Вооружение порта состояло из небольшого количества пушек, часть которых до того уже устарела, что представляла опасность не столько для врага, сколько для самих защитников Камчатки.

Военный губернатор и командир Петропавловского порта генерал, а впоследствии вице-адмирал В. С. Завойко, ученик знаменитого адмирала М. П. Лазарева, обратил особое внимание на укрепление и усиление обороноспособности города. В том немало помог ему капитан-лейтенант И. Н. Изыльметьев, командир фрегата «Аврора», зашедшего в Авачинскую губу.

С «Авроры» были переданы в распоряжение Завойко 22 пушки. Эти орудия и 5 пушек с транспорта «Двина» были установлены на батареях, расположенных по строго разработанному плану обороны города.

Морские офицеры обучали горожан военному делу. Множество коренных жителей Камчатки потянулось на своих долбленых батах спасать город от нашествия иноземцев.

17 августа (29 августа по новому стилю) 1854 года в 10 часов утра был подан сигнал с Бабушкина мыса, или, как называли его местные жители, просто с «Бабушки»: «Вижу военную эскадру из шести судов».

Курс противника был проложен 18 августа к перешейку Сигнального полуострова. Когда эскадра поравнялась с мысом Сигнальным, с третьей батареи раздался пушечный выстрел. Это наиболее горячий из офицеров-авроровцев командир третьей батареи Александр Петрович Максутов «поздоровался» с неприятелем. Завязался бой.

Боевое счастье было в тот день на стороне лейтенанта Гаврилова, командира первой батареи. Его ядра и бомбы отлично попадали в корабли неприятеля. Досталось и флагманскому «Президенту». С позором отступили иноземные корабли. Командующий эскадрой адмирал Прайс застрелился у себя в каюте.

Только 20 августа была возобновлена новая попытка захвата города. Командовал эскадрой преемник Прайса адмирал Де-Пуант.

Корабли противника стреляли всем бортом и в конце концов заставили замолчать первую батарею. Командир первой батареи Гаврилов был дважды ранен в бою, но не покидал своего поста. Его батарею засыпало ядрами, бомбами, осколками камней и песком. Затем противник обратил все свои орудия против четвертой и следом за ней второй батареи. Выстрелами батареи с перешейка Александр Петрович Максутов дважды отгонял фрегат и бриг противника.

Замечательную стойкость проявил брат Максутова Дмитрий Петрович, командир второй батареи.

Меткая стрельба артиллеристов «Авроры» и «Двины» решила исход этого неравного боя. В седьмом часу вечера противник вынужден был отойти.

Наступило 24 августа (5 сентября по новому стилю) — день решающей битвы за Петропавловск.

Противник предпринял новый вариант атаки: он решил взять город с суши, высадив десант. Этот вариант был основан на шпионском донесении с американского китобойного судна, которому русские любезно предоставили возможность базироваться на Петропавловск.

Завойко разгадал планы противника, стремившегося захватить город с севера, и приказал береговой группе занять Никольскую сопку.

Третья батарея Максутова нанесла тяжелые поражения флагманскому кораблю противника. С фрегата «Президент» открыли по батарее яростный огонь. Пыль и дым окутали батарею. Ядра и бомбы перепахивали землю. Осколки разбитого камня ранили героев-батарейцев. Орудия постепенно выходили из строя.

После того как был смертельно ранен А. П. Максутов и умолкла третья батарея, противник стал высаживать десант у перешейка и у Култучного озера — в непосредственной близости от самого города. Отряд численностью свыше семисот человек пошел по направлению к Никольской сопке, которую продолжали яростно обстреливать корабли противника «Президент» и «Вираго».

Десантники обошли Никольскую сопку и стали сосредоточиваться на ее северной оконечности. Во главе наибольшего отряда шел капитан Паркер. Увлекая за собой матросов и солдат, он занял седьмую батарею. Победа казалась ему уже совсем близкой, но тут он был убит наповал метким выстрелом рекрута Сибирского линейного батальона солдата Сунцова. В десанте началась паника. Командир фрегата «Президент» писал впоследствии: «Мы было продвинулись уже несколько вперед по хребту, как пал капитан Паркер, смело ведший свою команду, а лейтенанты Кулум и Клеменс были ранены. Тогда люди наши стали отступать, и, несмотря на неоднократные наши попытки их вновь собрать и двинуть вперед, неумолкавший огонь неприятеля заставил их окончательно отступить к берегу».

Штыковая атака сибирских стрелков решила судьбу сражения. Охваченные ужасом, солдаты противника бежали к своим шлюпкам и баркасам. Но впереди была бездна. Внизу шумело море. С крутых двухсотметровых утесов падали вниз и разбивались о камни иноземные пришельцы.

Сражение закончилось около полудня. На следующий день противник под погребальные выстрелы своих кораблей, сильно потрепанных в боях, хоронил в Тарье, недалеко от Петропавловска, убитых, которых удалось подобрать при отступлении.

27 августа крепко побитая русскими вражеская эскадра бесславно покинула Авачинскую губу.

Победа осталась за героями — защитниками Камчатки...

Много лет спустя в Петропавловске был сооружен памятник «Слава». Этот памятник перенесли в наше время на Никольскую сопку. На чугунной плите славянской вязью начертано: «Памяти павших при отражении атаки Англо-Французского флота и десанта 20 и 24 Августа 1854».

Улица Ленина.

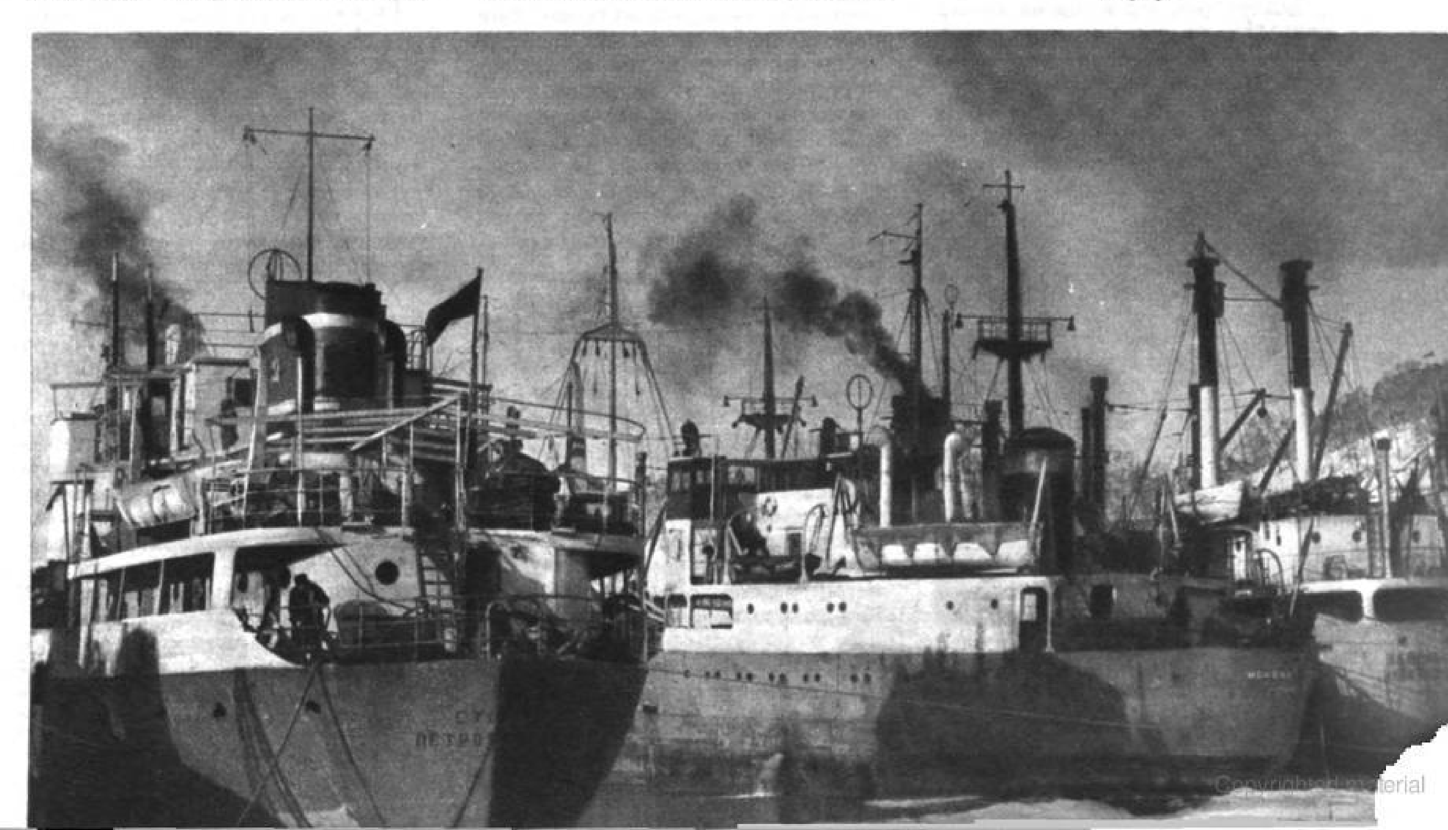
* * *

По-новому живет и строится теперь героический Петропавловск-Камчатский...

На Никольской сопке густо зеленеет парк культуры и отдыха, любимое место жителей Петропавловска. У памятника всегда толпится народ. Приходят сюда и молодые матросы, на чьих бескозырках написано золотом «Тихоокеанский флот», молодые советские моряки, потомки героев фрегата «Аврора», в честь которого носит свое имя легендарный крейсер «Аврора».

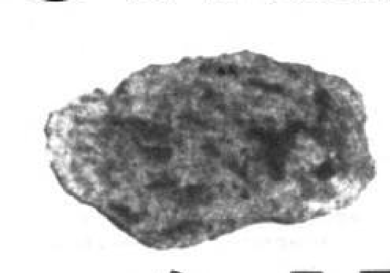
С высокой сопки хорошо виден большой город... Нескончаемый поток людей и автомашин, молодые саженцы на улицах, леса новостроек...

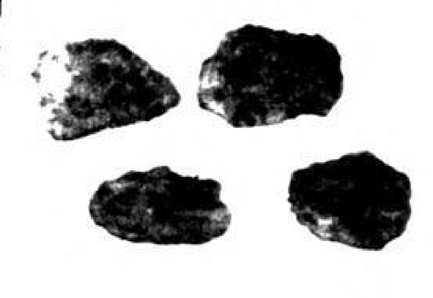
Героический город строится и молодеет.

Оживленно в Петропавловском порту.

НЕБЕСНЫЕ КАМНИ

Осколки метеорита «Никольское», упавшего недалеко от Москвы.

„Именно в этой области знания для успеха научной работы необходимо сознательное участие и понимание широких слоев населения".

Академик В. Вернадский.

В прозрачной глубине кварцевой глыбы словно клубится дым. Этот драгоценный минерал добыт в земле Урала советскими геологами. Рядом другой камень, как бы причудливо сотканный из затвердевшей бурой пены. Он найден кузнецом Медведевым в Сибири, на берегу Енисея, более двух столетий назад. Местные жители рассказали Медведеву, что камень «свалился с неба».

Так встретились под крышей Минералогического музея в Москве представители двух миров — земной дымчатый кварц и небесный метеорит.

Находка Медведева, относящаяся к 1749 году, положила начало богатейшей в мире метеоритной коллекции Академии наук СССР. Ее тщательно изучали русские ученые, знатоки минералов В. И. Вернадский и А. Е. Ферсман.

За каждым осколком метеорита, лежащим под стеклянным колпаком, скрывается тайна его прежнего существования в космическом пространстве. Быть может, несколько миллиардов лет вращались эти осколки вокруг Солнца в общем потоке с другими планетами. Затем, оказавшись в сфере земного притяжения, они упали на землю.

Подсчитано, что в год на землю выпадает до тысячи метеоритов. Конечно, только ничтожная их часть становится достоянием ученых, весьма заинтересованных в каждом метеорите как единственном космическом веществе, доступном для непосредственного и всестороннего изучения.

Каков же состав метеоритов, что мы знаем об условиях их образования? Эти вопросы уже давно обсуждаются исследователями многих стран. Особый интерес на международных космогонических съездах вызывают научные открытия, сделанные за последнее время советскими учеными.

Глубоким исследованием сходства горных пород, извергаемых вулканами, с некоторыми метеоритами много занимался академик Александр Николаевич Заварицкий.

Науке уже было известно, что метеориты состоят из тех же самых химических элементов, что и земная кора. Это — железо, кислород, магний, кремний, никель, сера, кальций, кобальт и другие. Однако нерешенным оставался вопрос о воде. Некоторые исследователи, даже самые крупные, полагали, что отсутствие воды в метеоритах и есть их характерная особенность.

Исследуя коллекцию метеоритов Академии наук СССР, А. Н. Заварицкий и его ближайшая сотрудница Л. Г. Кваша обратились к метеориту «Старое Борискино». Такое название он, впрочем, как и все другие метеориты, получил по месту своего падения у села Старое Борискино, в районе Средней Волги. Когда Лидия Григорьевна Кваша взяла в руки этот небольшой камень, то на пальцах ее остались следы угольной пыли. Она вспомнила, что метеорит был найден еще теплым.

Осмотрев его внешние особенности, Л. Кваша приступила к микроскопическому исследованию шлифа — тонкой пластинки, выпиленной из метеорита. Под микроскопом одноцветная темная масса ожила, приобрела разные оттенки, раскрыла внутреннее строение.

Но что это за чешуйки зеленоватого цвета?

Исследователя осенила догадка: ведь это тот самый минерал хлорит, который указывает на присутствие воды!

Медленно, все с бо́льшим увлечением рассматривает Лидия Григорьевна шлиф под микроскопом. И вот она ясно видит, как хлорит заполняет трещинки внутри другого минерала — оливина. Теперь остается дополнить свое наблюдение опытом: метеоритный порошок в запаянных трубках, из которых предварительно был удален весь воздух, подвергся нагреванию до температуры выше 400 градусов. После того, как трубка была охлаждена, на ее стенках появились капельки воды.

Значение этого факта очень велико. Дело в том, что вода играет огромную химическую роль, участвуя во всех процессах образования минералов в земной коре. Открытие воды в составе метеорита «Старое Борискино» подтвердило догадку ученых о том, что формирование минералов земли и метеоритов протекало одинаково.

Тем самым разбиваются реакционные идеалистические теории, а также наивные религиозные представления о метеоритах как священных камнях — «посланцах бога», которые якобы не могут состоять из тех же простых горных пород, что и земля. Открытия советской метеоритики, со всей очевидностью показавшие общность состава «небесных камней» и камней земных, еще раз подтвердили единство всего материального мира, органическую связь между зарождением земли и других небесных тел.

А. Н. Заварицкий, как и ряд других исследователей, предполагал, что метеориты представляют собой обломки планеты, некогда существовавшей в солнечной системе. Исходя из такой гипотезы, он указывал, что хлоритовый минерал и карбонаты в метеоритах могли образоваться в результате вулканической деятельности на этой планете. Ученый писал:

«Теперь же в невзрачных шлифах из метеорита Старого Борискина, в кривой, записанной световым лучом пирометра, мы как будто бы получили, правда, пока еще неясное, свидетельство о другом проявлении космического вулканизма, о вулканической деятельности на более удаленной планете и притом такой, которой теперь уже нет!»

Характерно и положение воды в составе метеорита «Старое Борискино»: найденная в самой его структуре, она оказалась словно связанной внутри хлорита. Эта вода и называется «связанной водой». В отличие от гигроскопической воды, которая проникает в метеорит уже после его падения на землю, «связанная вода» вошла в состав метеорита при самом его образовании.

Результаты многолетнего изучения структуры метеоритов, описание всех экспонатов коллекции Академии наук СССР даны в книге А. Н. Заварицкого и Л. Г. Кваша «Метеориты СССР». Она заставляет с еще большим вниманием и интересом обращаться к самой коллекции.

В музее посетители с волнением рассматривают образцы «небесных камней». Темной массой лежит на высокой подставке метеорит «Кунашак». Это самый крупный экземпляр метеорита — он упал в Кунашакском районе, Челябинской области, 11 июня 1949 года. Его увидели в 8 часов 14 минут утра многие жители уральских сел, находившиеся в это время на полевых работах. По их сигналу из Москвы и Свердловска на место падения выехали ученые. Было опрошено 126 очевидцев из 75 населенных пунктов. Колхозники рассказали, что видели болид, за которым следовал огненный хвост и сыпались искры. Местные жители разыскали несколько крупных осколков метеорита. Один камень, весом в 358 граммов, упал на крышу зерносушилки совхоза. Пробив крышу и оставив следы на стропилах и в потолке, он упал на пол, где и был обнаружен. По пробою в крыше и следам, оставленным метеоритом, удалось точно измерить направление его падения.

В своей книге А. Н. Заварицкий и Л. Г. Кваша отмечают, что большинство известных метеоритов относится к разряду хондритов, то есть они состоят из хондр — шариков, образовавшихся в результате быстрого остывания расплавленного вещества. К хондритам принадлежит и метеорит «Бородино», упавший 5 сентября 1812 года в районе села Бородино, накануне Бородинского боя.

Значительно реже, чем каменные, падают железные метеориты. Поэтому такой большой интерес вызвало падение железного метеоритного дождя на западные отроги Сихотэ-Алиня.

...Книга раскрыта на последней странице. Здесь помещен список метеоритов — 98 названий. Но список этот теперь уже нужно дополнять самыми последними данными. Колхозница Ласточкина из подмосковного села Никольское 6 марта 1954 года оказалась свидетельницей падения нового метеорита. Лидия Григорьевна анализирует осколки этого серенького метеорита «Никольское».

— Никогда еще не было такого рыхлого, крупичатого, — задумчиво говорит она.

Эта новая загадка — путь к новому открытию.

Л. МАРКЕЛОВА

Микрофотография шлифа метеорита «Старое Борискино».

Навстречу далям

Юлия ДРУНИНА

Эстафета

Я люблю, выходя на старт,
слушать шелковый шум знамен.
Как понятен мне твой азарт,
переполненный стадион!

Пусть не мне уже быть впереди —
что ж, года они есть года.
Пусть не то уже сердце в груди —
не беда!

Встречный ветер опять поет,
что у юности края нет:
у меня эстафету возьмет
дочь моя через десять лет!

Альпинисту

Ты полз по отвесным дорогам,
меж цепких, колючих кустов,
рукой осторожною трогал
головки сомлевших цветов.

Срываясь, цеплялся за корни,
бледнея, смотрел в пустоту...
А сердце стучало упорней,
а сердце рвалось в высоту.

Не эти ли горные тучи
во взгляде остались твоем!
Не там ли ты понял: чем круче,
тем радостней будет подъем!

Отцвели маслины в Коктебеле...

Отцвели маслины в Коктебеле,
пожелтел от зноя Карадаг...
А у нас в Полесье зябнут ели.
Дождик, комариные метели
да в ночи истошный лай собак.

Я люблю тебя, мое Полесье,
край дремучих торфяных болот.
Имя звонкое твое,
как песня,
в глубине души моей живет.

Отчего же нынче над собою
в полумраке северных лесов
вижу юга небо голубое,
слышу дальних теплоходов зов!..

Ну, а ты в ночах осенних, длинных,
ты от моря и меня вдали
помнишь ли цветущие маслины
и на горизонте корабли!

Полесчанка

Да, в лице ее красок мало,
словно пасмурным днем в лесу,
и не каждый поймет, пожалуй,
и оценит ее красу.

Из осенней рябины бусы,
косы голову облегли.
Что-то есть в этой девушке русой
от славянской ее земли.

* * *

Ни я, ни ты не любим громких
слов,
и нежных слов у нас не так-то
много.
Скажу я на прощанье:
— Будь здоров!
Ответишь ты:
— Счастливая дорога!

И вот уже вокзал плывет назад,
плывут вперед послушные вагоны.
В последний раз сливаются
глаза —
два близких цвета:
синий и зеленый...

Гроза

Словно небо надо мной
и над тобою раскололось,
словно взмыли эскадрильи
по тревоге боевой.
Но и в громовых раскатах
слышу твой спокойный голос —
мы идем грозе навстречу
с непокрытой головой.

Вот опять столкнулись тучи,
хлещет ливень исступленно,
но уже на черном небе
вижу остров голубой.
Солнце вырвалось из плена,
хорошо дышать озоном,
хорошо, что снова солнце
на пути у нас с тобой!

Осень

Заброшен в угол
волейбольный мяч —
не до игры: и холодно и сыро.
Мои соседи уезжают с дач,
торопятся на зимние квартиры.

Буксуют дюжие грузовики,
до хрипоты ругаются шоферы.
...Надев резиновые сапоги,
я ухожу в осенние просторы.

Прозрачный лес и пустота полей,
овраги, мокрые вороны, ветер...
Что говорить: есть виды веселей,
но ничего роднее нет на свете.

* * *

Все замело дремучими снегами,
снега, снега, куда ни бросишь
взгляд.
Давно ль скрипели вы
под сапогами
чужих солдат!

Порой не верится, что это было,
а не привиделось в тяжелом сне...
Лишь у обочин братские могилы
напоминают о войне.

Снега, снега...
Проходят тучи низко,
и кажется, одна из них вот-вот
гранитного коснется обелиска
и хлопьями на землю упадет...

Молодость

Мне казалось, что тридцать лет —
это глаз потускневший свет,
это стайки морщин у рта,
это молодость прожита.

Не захочется, мол, тогда
видеть новые города...
Собираться и брать билет!..
Это просто лишь в двадцать лет.

Разонравится в тридцать мне
на пугливом скакать коне,
упиваясь ветрами всласть, —
эдак можно ведь и упасть!

Тридцать — это когда не жди
на свиданье меня в дожди.

...До чего ж я была смешной!
Тридцать минуло мне весной.
Так же радостно нынче мне
кочевать по родной стране.

Так же скорость меня зовет,
о, степных скакунов полет!
Так же щеки мои горят,
если их обожжет твой взгляд...

Вейланд-младший стал школьником

Виктория и Вейланд Родд в школе. Фото С. Шингарева.

Два года назад у подъезда московской средней женской школы № 179 мы наблюдали такую сцену. Среди первоклассниц стояла маленькая негритянка Виктория Родд. Она родилась в день Победы — 9 мая 1945 года, ее назвали Викторией. Спустя семь лет уроженку Москвы привели в школу. Вместе с матерью ее провожал туда пятилетний братишка Вейланд.

...Снова наступило первое сентября. Накануне маленькому Вейланду купили школьную форму, фуражку и блестящий кожаный пояс.

Кто они, негритянские ребята, живущие в советской столице?

Многие из нас видели и запомнили их отца, негритянского артиста Вейланда Родда. В 1932 году он пересек океан и прибыл в нашу страну. В ту пору московская киностудия пригласила для съемок группу американских негров. С ними приехал и Вейланд Родд. Он не вернулся обратно в Америку. Там ему, человеку с черной кожей, не удалось поступить в театральную школу. В Москве Родд, получивший высшее театральное образование, был принят в один из столичных театров, снимался в кино.

Еще до войны вышел фильм «Том Сойер», где Родд исполнял роль негра Джима. Кто видел на экране «Пятнадцатилетний капитан», тот помнит Геркулеса. Его играл В. Родд. Он же исполнял роль вождя папуасов в картине «Миклухо-Маклай».

Когда в Москву приехал Поль Робсон, он при встрече с Роддом сказал ему: «Я завидую тебе и твоим детям. Вы здесь чувствуете себя полноправными людьми. В Америке многие белые охотно слушают мои песни, но за один стол со мной там сядет не всякий. Твои дети не будут знать унижений из-за цвета своей кожи...»

Уже третий год учится в средней школе № 179 Виктория Родд. Первого сентября она помогла брату Вейланду-младшему надеть на плечи ранец, одернула на нем куртку, поправила пояс и вместе с ним пошла в школу.

Виктория и Вейланд вошли в 179-ю школу. Как и положено старшей сестре, девочка показала брату хорошо знакомое ей помещение, затем подвела к двери первого класса «А» и сказала: «Здесь ты будешь учиться».

Макс ПОЛЯНОВСКИЙ

Рассказ о выставке

Придунайский колхоз «Сталинский путь», Болградского района, Одесской области, — участник Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. Он собирает высокие урожаи пшеницы, кукурузы, овощей, винограда; разводит свиней, овец, гусей, кур и индюков. Колхоз уже рассчитался с государством и МТС первосортной пшеницей. Закупочным организациям будет продано 700 тонн зерновых культур.

Передовики колхоза побывали на ВСХВ. Многое они увидели там, многому научились, многое будут внедрять у себя на производстве. На будущий год решено построить на берегу лимана пионерский лагерь — такой, какой видели на выставке.

На снимке: председатель колхоза Степан Мумжиев рассказывает колхозникам о том, что он видел на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке.

Фото Г. Овчаренко.

Чемпионы Европы

Турин стал местом соревнований на первенство Европы по плаванию, прыжкам в воду и водному поло.

Многие европейские страны прислали своих спортсменов в Италию. Наши мастера впервые оспаривали звания чемпионов Европы...

В прыжках с трамплина каждая участница должна была сделать десять прыжков (пять обязательных и пять произвольных). Сначала впереди шла Жагот (Венгрия). Но ей не удалось сохранить лидерство. Произвольная программа завершилась превосходным выступлением москвички Валентины Чумичевой. Советская спортсменка выполняла наиболее трудные прыжки, например, два с половиной сальто — такого сложного прыжка не включила в программу ни одна из участниц. Она завоевала первое место и звание чемпиона Европы.

Лучшего результата по прыжкам с вышки среди женщин добилась москвичка Татьяна Каракашьянц.

Около тридцати мужчин отстаивали звание чемпиона Европы по прыжкам с трамплина. Чемпион Советского Союза Роман Бренер начал состязания неудачно. После трех обязательных прыжков Бренер занимал лишь восемнадцатое место. Казалось, что он потерял все шансы на золотую медаль. Однако Бренер не сдался, с каждым прыжком улучшая свое положение. В конце концов он сумел опередить всех и стать чемпионом Европы по прыжкам с трамплина.

Р. Бренер занял еще одно первое место — в прыжках с вышки. Таким образом, ему вручены две золотые медали.

Соревнования по плаванию проводились в 50-метровом открытом бассейне. В командном зачете по плаванию первое место заняли венгры, второе — советские спортсмены.

В. Чумичева.

Р. Бренер.

Т. Каракашьянц.

Фото Н. Волкова.

Молодежь выходит на площадки

Первенство СССР по теннису нынешнего года, проведенное в Таллине, имело одну отличительную особенность: впервые в таких ответственных соревнованиях участвовала молодежь. И надо сказать, что этот опыт вполне оправдал себя. Новая теннисная смена доставила много трудных минут известным мастерам. Молодежь добилась ряда почетных побед. Четырнадцатилетний ленинградец А. Потанин выиграл две встречи у перворазрядных теннисистов. Успешно выступали эстонские молодые спортсмены Э. Кедарс, Т. Пальм, В. Тамм. Шестнадцатилетний москвич А. Новиков — сын неоднократного чемпиона СССР, заслуженного мастера спорта Б. Новикова — добился победы над одним из лучших игроков «Динамо» — Л. Киви.

Выступления молодых теннисистов привлекали спортивным задором. Достаточно отметить, что в предварительных играх молодые спортсмены В. Анисимов и Ю. Панков заняли первые места в своих группах, а Т. Пальм и Э. Кедарс — вторые, попав вместе с сильнейшими мастерами в первую финальную группу, ведущую борьбу за титул чемпиона страны.

Большого успеха достигла молодая киевская теннисистка В. Кузьменко, победившая заслуженного мастера спорта Т. Налимову и мастера спорта А. Нифонтову и дошедшая до полуфинала, в котором она встретилась с первой ракеткой страны, трехкратной чемпионкой СССР Е. Чувыриной.

В тех играх, где на площадку выходила молодежь, борьба приобретала свежесть и остроту. Так, например, одним из самых интересных эпизодов первенства была встреча в мужском парном разряде сильнейших теннисистов страны С. Андреева и С. Белиц-Геймана с молодыми москвичами Ю. Панковым и Л. Марковым. Мастерам пришлось мобилизовать все свои силы, чтобы выиграть полуфинал.

В итоге двухнедельной борьбы командное первенство завоевали теннисисты «Динамо». В личном первенстве победу одержали С. Андреев и Е. Чувырина, в мужском парном разряде С. Андреев — С. Белиц-Гейман, в женском парном разряде — Е. Чувырина — А. Кузьмина, в смешанном разряде К. Борисова — С. Андреев.

В. ВИКТОРОВ

Новый облик Ленинграда

Тысячи гостей приезжают в Ленинград, и каждый покидает его, восхищенный величественным видом одного из красивейших городов мира.

Веками складывался облик города. Но до Великого Октября здесь ощущался резкий контраст между центральными районами и рабочими окраинами.

Вот одно из предместий Ленинграда — Малая Охта, о которой ее уроженец, известный писатель-демократ Н. Г. Помяловский писал в свое время:

«В ней только три каменных дома, остальные — все деревянные, и среди деревянных не более десятка двухэтажных. Почти четвертая часть домов представляет собою вид печальный: это черные, гнилые, рассевшиеся надвое и натрое избушки, вросшие в землю, и у тех избушек прогнили крыши, покачнулись стены, отчего и подперты они досками и кольями; перекосившиеся окна нередко заклеены бумагою или тряпицею, а не то и просто заткнуты мужицким армяком или бабьим капотом».

О прошлом этой бывшей петербургской окраины ныне напоминают лишь сохранившиеся названия некоторых улиц — Молчаливая, Глухая, Пустая... В остальном не узнать обновленной Малой Охты. Вдоль ее одетых в асфальт магистралей тянутся многоэтажные громады домов, выстроенных за годы Советской власти, открыты многочисленные, хорошо оборудованные магазины.

Автово и Охта, Гавань и Невский район, Выборгская сторона и бывшая Московская застава с проспектом имени Сталина — вот где широко развернуты строительные работы. Здесь выросли кварталы с благоустроенными жилыми массивами, дворцами культуры и бытовыми учреждениями. Размах строительных работ возрастает год от году. В 1952 году ленинградцы получили 300 тысяч квадратных метров новой жилой площади, в прошлом — 318 тысяч, в этом будет введено в строй около 400 тысяч, а всего за последние годы в городе восстановлено и построено свыше 4 миллионов квадратных метров жилой площади.

Возникли новые улицы — Гаражная и Зенитчиков в Автове, Варшавская и Победы в Московском районе, Баррикадная, Обороны и другие в Кировском. Ленинградцы гордятся стадионом имени С. М. Кирова, вмещающим без малого 100 тысяч зрителей, Московским и Приморским парками победы.

На проспекте имени Сталина сейчас сооружаются десятки многоэтажных зданий из крупных блоков. В этом районе вводятся в эксплуатацию 34 дома площадью около 100 тысяч квадратных метров. В недалеком будущем развернется строительство нового здания Театра юного зрителя и Домов культуры Невского машиностроительного завода имени Ленина и Металлического завода имени Сталина.

Завершается газификация Ленинграда, ведутся работы по теплофикации зданий.

Осуществляется реконструкция магистралей. Преобразились Невский, Суворовский, Кировский проспекты, проспекты Энгельса и Чернышевского, Большой на Петроградской стороне. Получил выход к морю Большой проспект Васильевского острова, неузнаваемыми стали улицы Бродского и Желябова, площади Ленина, Восстания, Искусств, Кленовая аллея. Еще пышнее стал зеленый наряд Ленинграда.

Значительно увеличился городской транспорт. По сравнению с 1940 годом протяженность автобусной и троллейбусной линий выросла примерно на 70 процентов, утроился парк такси.

На глазах у ленинградцев изменяется облик их города. Сотни устремленных ввысь башенных кранов напоминают об этом. Редкий день проходит без заселения новых домов.

Все краше становится город Ленина.

В. СЕВЕРОВ

Смольный. Отсюда в исторические дни 1917 года В. И. Ленин и И. В. Сталин руководили вооруженным восстанием. Здесь II съезд советов провозгласил первое в мире Советское государство.

Фото Л. Зиверта.

Невский проспект.

Фото И. Голанда.

Проспект имени И. В. Сталина, район нового строительства.

Фото И. Голанда.

Дворцовая площадь.

Фото Н. Янова.

Триумфальные Нарвские ворота, воздвигнутые в честь возвращения русских войск после Отечественной войны 1812—1814 годов.

Фото Р. Мазелева.

Академический театр драмы имени А. С. Пушкина.

Стрелка Васильевского острова. Пушкинская площадь, один из живописных уголков Ленинграда.

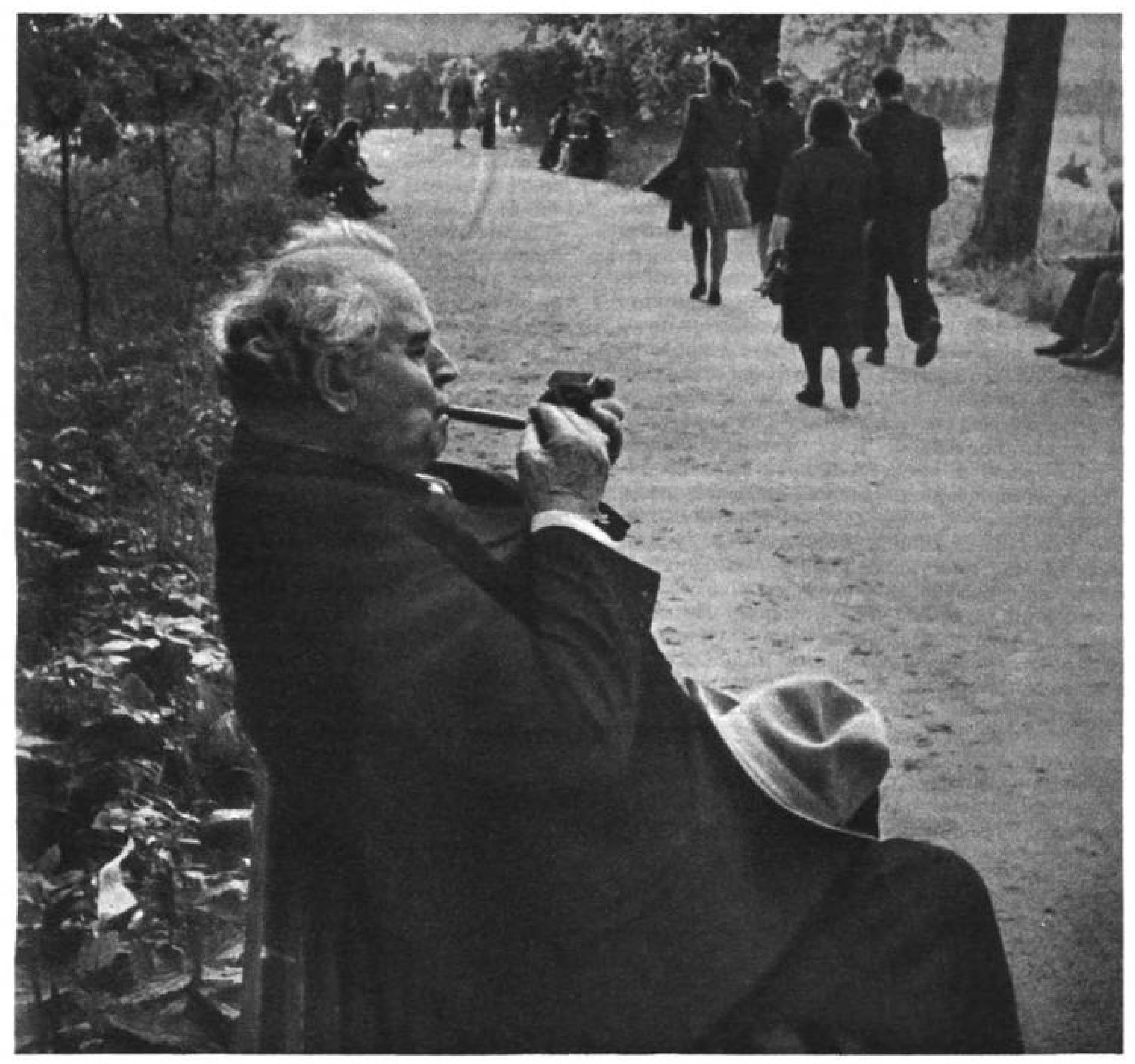
Фото И. Голанда.

Памятник Петру Первому на площади Декабристов.

Фото Л. Зиверта.

Бессмертие НЕКСЕ

Борис **ПОЛЕВОЙ**

Мартин Андерсен Нексе в парке Петродворца.
Фото А. Михайлова (ТАСС).

Мартин Андерсен Нексе принадлежит к той славной категории людей, над которыми смерть не властна. Он весь в своих делах. И хотя сейчас еще звенят в ушах отзвуки тягучих траурных мелодий, глубокий цокот копыт вороных коней, медленно влекущих черный катафалк, хотя еще стоит перед глазами массивный дубовый гроб, прикрытый красным флагом, сам писатель вспоминается только как живой среди живых, как борец среди борцов.

...Вот медленно, со старческой неторопливостью переставляя больные ноги, поднимается он на трибуну съезда венгерских писателей, в свободном сером костюме, со свежим, румяным лицом, с большой головой, опушенной вьющимися сединами. С досадой отмахивается от дружных оваций всего зала. Делает рукой сердитые, запрещающие жесты и наконец, не дождавшись, когда зал стихнет, начинает говорить.

И сразу наступает тишина, такая, что слышно, как где-то большая муха жужжит и бьется в оконное стекло. Он выступает без тезисов. Его речь — это поток мыслей, часто даже не очень связанных друг с другом. Но каких мыслей!

— Писатель, который живет, замкнувшись, полагает, что он жрец в храме искусства, никогда не может положить на стол свою душу и ответить на запросы простого человека...

— Работая, писатель должен обязательно чувствовать и переживать. В свое произведение надо вкладывать подлинное, а не выдуманное чувство, любовь к положительному герою, ненависть к отрицательному, сочувствие к заблуждающемуся... Все настоящее, неподдельное... А как же! Без чувства писать нельзя...

— Какие задачи стоят перед настоящим поэтом, даже если он и пишет прозу? Мне представляется, что каждый поэт играет на каком-то своем инструменте. Подчеркиваю: обязательно на своем. А литература в целом — это оркестр, в котором разные поэтические голоса сливаются в одну общую симфонию... Это очень плохо, если бы все поэты вдруг заиграли бы на скрипках, или засвистели бы на одних флейтах, или всем хором вдруг начали бы бить в барабан...

Хотя в зале было много писателей пожилых, очень талантливых и заслуженных, Нексе на трибуне походил на мудрого учителя, дающего увлекательный урок. Его слушали, боясь упустить слово. Весь съезд, где к концу заседания обычно становилось шумновато, вдруг замер, и многие, поддаваясь профессиональному чувству, уже раскрыли записные книжки и старательно записывали...

Вспоминается последнее пребывание Нексе у нас, в Советском Союзе. Еще в 1905 году этот великий датчанин приветствовал в умной и горячей статье красный флаг, поднявшийся над броненосцем «Потемкин». С той теперь уже давней поры мы имели в нем верного друга, для которого наша социалистическая страна стала живым прообразом светлого будущего всего человечества.

Поправив здоровье и отдохнув в Советском Союзе, Нексе перед отъездом пригласил к себе в гостиницу нескольких друзей на прощальный ужин. Он был необыкновенно оживлен, весел и все шутил:

— У вас хорошая медицина. Я очень уважаю ваших врачей. Но не они, нет, не они, черт возьми, поставили меня на ноги! Мне кажется, на меня хорошо действует сам советский воздух. Да, да, что вы думаете! Воздух, очищенный грозой трех революций. Сколько же в нем озону! Дышишь — и чувствуешь, как молодеешь. Ведь я помолодел здесь, Иоганна? — хитро, по-крестьянски подмигнул он, обращаясь к жене.

В тот вечер он часто обращался к мысли о роли писателя в современной жизни.

— Писатель, он все время должен быть со своим народом, жить его радостями и печалями. А для того, чтобы быть с народом, надо иметь на руках мозоли. И не от аплодисментов на всяческих собраниях и банкетах, а от работы, хотя бы и за письменным столом...

Заспорили о недавно вышедшей книге. Один из присутствующих, большой и взыскательный поэт, стал восхищаться красотой языка этого произведения. Нексе долго слушал эти похвалы, прихлебывая вино из бокала, и в его широко раскрытых глазах, которые, казалось, всегда жадно вбирают в себя весь мир, зажигались озорные огоньки...

— Мне трудно судить об этой книге, я ее не читал. Ее еще нет в переводе. А вот насчет языка — так. Язык произведения хорош тогда, когда это язык народа. Хороший язык книги сливается с народным языком. Хороший язык писателя читатель словно и не замечает, как, скажем, здоровый, цветущий человек не замечает, что у него есть руки и ноги. Человек начинает замечать, что у него есть руки и ноги, когда они у него начинают болеть или когда, скажем, ему вдруг пришло в голову навести маникюр. Читатель начинает обращать внимание на язык писателя лишь тогда, когда этот язык либо шероховат и мешает процессу чтения, либо излишне нарочито обработан, либо просто плох...

Он был очень озабочен все нарастающей на Западе военной истерией, горячо, с большой надеждой говорил о движении сторонников мира. Запомнились его слова об особой роли и ответственности интеллигенции:

— Интеллигенция — глаза человечества. Если бы глаза эти видели зорко и не застилались порой вредным туманом, у империалистов было бы меньше возможностей развязывать войны... — И как бы даже содрогнувшись от омерзения, он добавил: — На севере есть художник, которому фашистская муть так заволокла глаза, что он убил сам себя. Нет, не физически, он жив, Гамсун [1]. Но для народа он мертвец. Смердящий мертвец. А ведь самое страшное, что может быть, — это заживо умереть.

На Внуковском аэродроме, прощаясь с нами, он сказал:

— Я не расстаюсь с Москвой, нет. Она всегда со мной. Она вот здесь, — и он приложил свою большую, рабочую руку к груди.

Это было последнее, что он сказал на советской земле, где ему больше уже не довелось побывать.

* * *

В нынешнем году Нексе должно было исполниться восемьдесят пять лет. Но возраст и болезни, все больше и больше одолевавшие его, были бессильны сломить могучий дух, и он продолжал много и упорно работать. Буквально за несколько дней до его смерти я получил от него письмо, большое, хорошее, полное бодрости и оптимизма. Он сообщал, что, хотя последние недели ему и неджится, он продолжает работать над третьим томом «Мортена Красного». Письмо было датировано пятым мая, и вскоре вслед за ним пришло страшное известие о болезни и смерти.

Он умер, как солдат, на боевом посту. Его датские друзья, которые при первой же вести о болезни вылетели к нему в Германскую Демократическую Республику, в Дрез-

[1] Беседа происходила в 1951 году.

ден, рассказывали, что до самых последних дней, уже лишившись возможности подыматься с кровати, он продолжал трудиться, отвечал на письма, которые шли к нему со всего света, делился мыслями о работе над третьим томом своей удивительной трилогии.

Да, это была славная смерть труженика, отдавшего без остатка всю свою большую жизнь, всю силу своего необозримо огромного таланта, весь жар своего сердца народу родной Дании и всем труженикам земли.

В день смерти Нексе Дрезден оделся в траур. На всем пути через Германскую Демократическую Республику до парома на датской границе сотни, тысячи немцев выходили навстречу траурному поезду. Крестьяне бросали работу, бежали к полотну дороги и стояли без шляп, опустив голову, провожая того, кто дал в вечные друзья человечеству и каждому из нас в отдельности Мортена Красного, «Дитте, дитя человеческое» и другие немеркнущие образы людей, поднявшихся, подобно ему самому, из гущи народной на борьбу за свободу и счастье всех людей.

Дания — небольшая страна. Но три датских имени, известные всему культурному миру, составляют ее национальную гордость: скульптор Торвальдсен, сказочник Андерсен и писатель Нексе. Не найдется, пожалуй, на земле уголка, где бы не слышали об этих трех датчанах. И мне, советскому литератору, посланному своими коллегами на похороны одного из этих трех великих людей, было странно и больно наблюдать холодное равнодушие официальной Дании к горю, которым был охвачен ее народ.

Датские газеты выходят на десяти, двенадцати, а иные по воскресеньям даже на шестнадцати страницах. Но от такого события, как смерть величайшего датского писателя, являющегося гордостью мировой литературы, многие буржуазные датские газеты отмахнулись ленивыми информационными статейками, затерянными среди всяческого маловажного вздора.

Мэр города Дрездена, приехавший в Данию на похороны в составе немецкой делегации, был поражен этим явлением. Он спросил у известного деятеля датской культуры, профессора, человека, далекого от коммунистической партии и коммунистических идей, почему он не видит среди лиц, провожающих великого датчанина, хотя бы своего копенгагенского коллегу. Профессор сердито пожал плечами:

— Это не ново. Царская Россия тоже в свое время повернулась спиной к Льву Толстому. Царской России давно нет, а Толстой остался Толстым.

Тем более многозначительным контрастом явились похороны Нексе. Это была незабываемая демонстрация любви датского народа к своему писателю, неистребимого желания датчан сохранить и защитить свою национальную культуру от космополитствующих нигилистов и растлевающего влияния заокеанского Запада.

На траурный митинг в Форуме, самом большом зале Копенгагена, десятки, может быть, сотни рабочих организаций, заводов и фабрик прислали свои делегации со знаменами. Рабочий класс Дании отдавал последний долг уважения пролетарскому писателю, мужественному революционеру, одному из создателей Датской коммунистической партии.

Председатель Компартии Дании Аксель Ларсен, большой друг покойного, сказал тогда знаменательные слова:

— Враги Нексе всячески стараются сейчас отделить в нем писателя от коммуниста, художника от борца. Этого никому не удастся сделать! Он монолитен, наш Нексе, как борнхольмский гранит его родины.

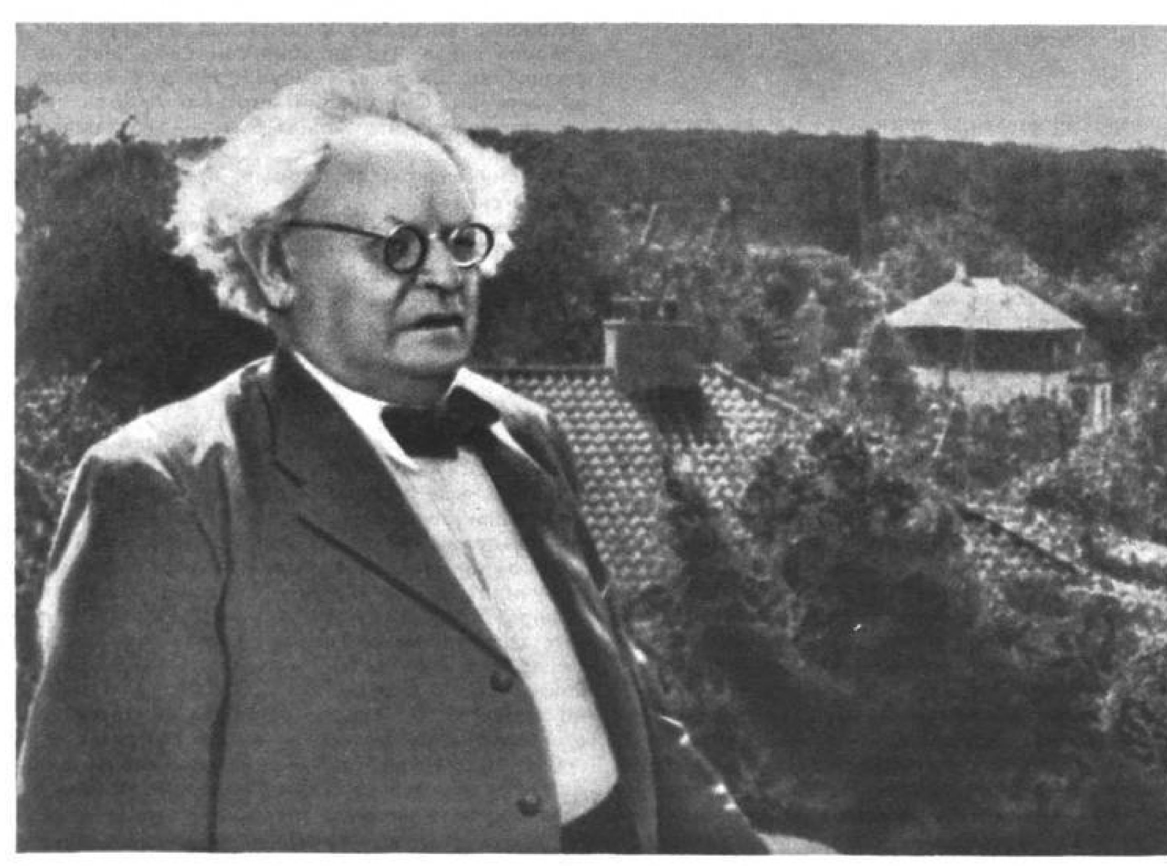
Никогда не изгладится из памяти траурная процессия. Выплеснувшись из стен Форума, она потекла по каменному руслу улиц Копенгагена. Казалось, шествию нет конца. Был воскресный день, солнечный и яркий. Буйно цветущая сирень, точно клубы разноцветной пены, вываливалась через заборы скверов и парков. Оглушительно пели птицы. От центра города до самого Биспебьергского кладбища, что находится на окраине, километров за пять, процессия двигалась как бы в живом коридоре. На улицах, по которым двигалась траурная процессия, стояли десятки, а может быть, и сотни тысяч людей. Не только рабочие пришли отдать последний долг своему Нексе. Его провожали в последний путь интеллигенты, служащие, продавцы магазинов, лавочники, коммерсанты.

Это была сама Дания. Солдаты и матросы, минуту назад разгуливавшие в праздничных униформах с девушками, вытягивались у бровок тротуара и брали под козырек. Продавщицы в форменных платьях модных универмагов, протолкавшись в первый ряд, бросали под колеса катафалка букетики фиалок, быть может, купленные на те деньги, что они захватили на завтрак.

Патриарх пролетарской литературы был беспощаден к врагам своего народа, к изменникам делу рабочего класса и к тем, кто, превыше всего ставя свои личные интересы, готов был за хорошую цену и на выгодных условиях продавать Данию иностранным империалистам. Реакция боялась, ненавидела его.

Запомнилась мне фигура старого рабочего, может быть, пенсионера, стоявшего на углу с поднятым вверх сжатым кулаком. Он крикнул:

— Мы, товарищ Нексе, тебя не забудем, ты всегда с нами!

Мартин Андерсен Нексе в предместье Копенгагена Хольте.

Датский народ не скрывал горечи утраты и хоронил бывшего башмачника, как не хоронил королей.

* * *

Домик Нексе в предместье Копенгагена Хольте. Скромный, маленький домик, приобретенный комитетом фонда покойного писателя. Здесь все бережно сохраняется в том виде, как было при нем.

Кто-то из провожавших нас друзей напомнил у порога датскую поговорку: покажи мне твое жилище, и я скажу, кто ты. Каждому, кто попадает в этот домик, сразу становится ясно, что здесь жил труженик, скромнейший человек, необычайно строгий к себе.

Мне на своем веку довелось видеть много писательских кабинетов, больших, маленьких, декоративно и кокетливо обставленных, украшенных всяческими необыкновенностями или, наоборот, не рассчитанных на посторонний взгляд, скромных, хранящих лишь то, что дорого хозяину. Кабинет Нексе не походил ни на один из них. Он больше всего смахивал, пожалуй, на мастерскую столяра или слесаря, так все в нем было приспособлено для работы. Ничего лишнего. Только книги, которые Нексе получал в подарок из всех стран мира, книги с дарственными автографами, надписанные, вероятно, на всех языках, на каких только изъясняется человечество, были единственным его украшением.

Младший сын Нексе, Пеер, обратил наше внимание на деревянный горшочек, стоящий на столе. На первый взгляд, ничего собой не представляющая вещица, кем-то довольно искусно выточенная и привлекающая внимание разве только странным орнаментом. Но мы пригляделись, и оказалось, что весь он состоит из микроскопических подписей. Горшочек этот был выточен датскими патриотами, заключенными в концентрационный лагерь в дни гитлеровской оккупации, и поднесен на именины писателю-борцу.

А потом нам предложили проехать по маршруту последней поездки, совершенной Нексе по родной Дании десять месяцев тому назад. Я помню, какой ревнивой любовью зажигались его большие выпуклые глаза, когда он рассказывал о своей стране, о своеобразии ее природы, о ее людях. Выехав из Хольте, больной, быстро устающий, он направился вглубь острова по вьющимся меж пологих холмов асфальтированным дорогам с просторным зеленым ландшафтом, оживленным то тут, то там черепичными крышами ферм, по лесам, буйные краски которых свидетельствуют о влажности климата, по взморью, через фиорды, которые голубыми языками глубоко врезаются в сушу.

Перед нами развертывалась Дания, маленькая, до предела обжитая Дания, где каждый клочок земли заботливо ухожен, где любой, самый маленький лесок посажен человеческими руками и точно хранит на себе следы бережно расчесывавшего его гребня. Мы неожиданно остановились у сельского трактира на перекрестке дорог, где в последнюю свою поездку отдыхал и обедал Нексе. Хозяин, конечно, был горд тем, что его посетил великий земляк. Он хорошо запомнил этот визит и предложил угостить нас тем же, чем угощал в тот день Нексе. И пока на раскаленной сковородке шкворчали только что выловленные угри необыкновенной величины, мы осматривали коллекцию медной, ярко начищенной посуды, украшавшей стены и камин. В центре всех этих сковородок, блюд, тазов, кофейниц, ковшиков самой причудливой формы стоял, подбоченясь, ослепительно сверкающий старинный самовар.

Хозяин попросил нас подойти поближе и посмотреть крохотную марку, вычеканенную на его подножке. Мы с трудом различили: «г. Тула. Братья Воробьевы». И хозяин припомнил, что ведь это Нексе рассмотрел едва заметную, полустертую от бесконечных надраиваний надпись и, шутливо похлопав самовар по брюху, сказал ему по-русски: «Здравствуй, друг!»

И когда, завершив поездку, мы возвращались в Копенгаген, образ Дании, маленькой трудолюбивой страны, слился в нашей душе с образом великого ее гражданина, страстного борца за счастливую долю всех униженных и оскорбленных, за мир на земле, слился с живым, неумирающим образом Мартина Андерсена Нексе.

ВСТРЕЧА ИНВАЛИДОВ

Рассказ

Мартин АНДЕРСЕН НЕКСЕ

Рисунки Л. Бродаты.

Печатаемый ниже рассказ «Встреча инвалидов» впервые был опубликован в датском журнале «Фолькетс Юль» в декабре 1951 года. В рассказе приводится эпизод из последней части трилогии о Мортене, над которой Мартин Андерсен Нексе работал до конца своей жизни.

В Констанце Мортен сел в поезд, который шел в Шварцвальд, и с нетерпением ожидал отправления. Рука Мортена все еще была на перевязи, и он наконец решился поехать в Баден-Баден, чтобы принимать там грязевые ванны, боясь, как бы рука его совсем не онемела. Повязку он прикрепил к багажной сетке, так ему было удобнее. Однако при каждом толчке, когда к составу прицепляли вагон, Мортен корчился от боли.

В вагоне четвертого класса были скамейки, поэтому не приходилось стоять, держась за поручни, или сидеть на своем багаже, как на севере Германии, где вагоны годились скорее для перевозки скота. А здесь, на юге, немцы хвастались своим «демократическим четвертым классом»; им пользовались решительно все слои населения. К тому же проезд в них обходился очень дешево: можно было объехать чуть не всю Германию за несколько марок.

В вагон вошла молодая женщина. Она облюбовала место у окна, напротив Мортена, аккуратно повесила в уголок свое пальто, смахнула пыль со скамейки и, не обращая внимания на соседей, тщательно сложила остальные пожитки. Только тогда она села и как будто о чем-то задумалась.

«Вот недотрога», — подумал Мортен и убрал ноги под скамейку, чтобы как-нибудь нечаянно не толкнуть женщину, — проход между скамейками был очень узкий.

Наконец поезд тронулся. В большом вагоне было сорок или пятьдесят человек, и скоро завязался оживленный разговор: пассажиры четвертого класса быстро находят общий язык. Все непринужденно обращались друг к другу, иногда даже к сидевшим в другом конце вагона. Все обсуждали один и тот же вопрос — выпуск новых денег. Недавно была введена стабильная валюта — период инфляции кончился, но население все еще не могло оправиться от ее разорительных последствий.

— Вот что я могла купить на свой месячный оклад, — помахав платочком, сказала дама, сидевшая в самом дальнем углу. — Как только получила деньги, я тут же побежала в магазин: если бы я пришла часом позже, моего жалованья вряд ли хватило бы на покупку английской булавки.

— Гораздо дешевле было бы пользоваться миллионными кредитками, чем туалетной бумагой, — послышался чей-то бас. — Правда, тогда у нас все же были деньги на руках, а теперь не на что даже соли купить.

Мнения насчет стабилизации валюты высказывались самые различные, как будто предмет беседы не вызывал особых споров; пассажиры хладнокровно обсуждали этот вопрос, точно так же, как и всякий другой. Люди настолько устали, что ко всему относились безразлично.

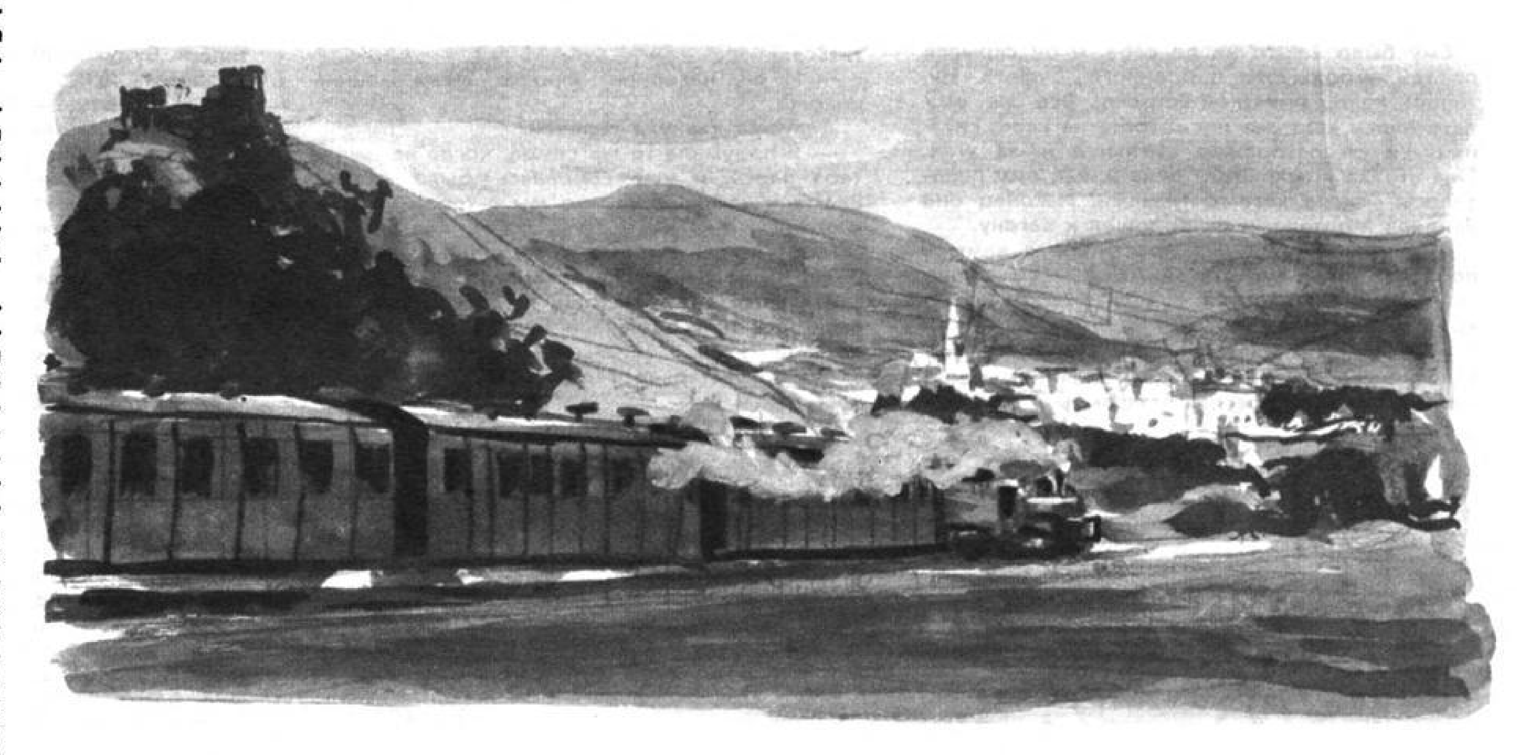
Женщина, примостившаяся против Мортена, не принимала участия в общем разговоре и, повидимому, даже не прислушивалась к нему. Она сидела, чуть подавшись вперед, держа руки на коленях, и все время нервно перебирала пальцами; было видно, что ее мысли витают где-то далеко. Блузка с неглубоким вырезом красиво облегала ее плечи; изящная головка грациозно держалась на гибкой шее, словно у породистого голубя.

Вид у молодой женщины был измученный; черные косы, уложенные венком, обрамляли ее лицо; руки все время шевелились, будто хотели распутать какой-то клубок. Иногда она машинально подносила пальцы ко рту и кусала ногти. Мортен увидел, что все они были обгрызены, и подумал: «Бедное дитя, искалеченное войной!»

Недалеко от города Зинген, в долине, в течение веков изрезанной ледниками и реками, крестьяне спешили убрать последнее сено и развешивали его на рогатках для просушки. Дальше поезд шел мимо яркожелтых полей, и Мортен с удивлением спросил:

— Неужели это сорняки?

— Нет, сурепка, — ответил кто-то.

Мортен удивленно обернулся: это были первые слова, которые молодая женщина произнесла необыкновенно приятным, звучным голосом.

— Ага, кажется, сурепка идет на масло, на жиры, — заметил Мортен.

Соседка промолчала. Спустя некоторое время Мортену захотелось курить; здоровой рукой он снял чемодан, чтобы достать трубку, и молодая женщина поднялась, желая ему помочь. Когда он взял трубку и табак, она решительно отстранила Мортена и сама поставила чемодан на место.

— Теперь вы можете снова прикрепить повязку к сетке, — сказала она. — Раньше чем через час остановки не будет.

Таким образом завязалась беседа.

— Извините, фрекен, вы не сестра милосердия? — спросил Мортен. — Вы так умело и осторожно обращаетесь с моей рукой.

Женщина отрицательно покачала головой и чуть-чуть улыбнулась, — словно луч солнца осветил ее измученное лицо.

Какие чудесные у нее были руки! Ему сразу стало легче, когда она дотронулась до него. Вот точно такие же нежные и осторожные руки были у его матери, но они огрубели от тяжелой работы. Мортену захотелось узнать хоть что-нибудь о своей спутнице, — наверное, ей пришлось немало пережить. Но вот она снова замкнулась, отдалась своим мыслям, и пальцы ее нервно зашевелились. Изредка она бросала украдкой взгляд на больную руку Мортена, привязанную к багажной сетке. До чего же эта девушка была хороша! Особенно красивы были у нее плечи и шея, и казалось, что ее угрюмый вид обманчив и что она вот-вот весело защебечет, — может быть, она и вправду певица? Нет, пожалуй, эта женщина слишком скромна и даже не сознает всего очарования своей юности. Сколько лет могло ей быть? Вероятно, двадцать с небольшим.

Вдруг она взглянула на Мортена с таким видом, будто хотела что-то спросить.

— Я еду в Баден-Баден лечиться, — заметил Мортен.

— Из-за руки? — участливо осведомилась она.

— Да, я сорвался во время спуска с горы и вывихнул руку. Но ничего страшного, только по ночам я мучаюсь от боли и никак не могу найти удобного положения, — сказал Мортен с улыбкой в ответ на проявленное к нему участие.

Его спутница стала рассказывать, что она хорошо знает Баден-Баден, часто бывает там по воскресеньям; этот курорт расположен всего в каком-нибудь часе езды от Карлсруэ, где она живет. Она только что отвезла к родственникам в Швейцарию больную мать, а теперь возвращается домой к отцу и к своей работе в ландтаге.

— Отцу сейчас тяжело оставаться в одиночестве, и ему приходится самому заботиться о себе, — спокойно и доверчиво рассказывала она.

Весь облик ее, казалось, говорил о душевной уравновешенности, только пальцы попрежнему нервно шевелились, она крепко сжимала их, так что ногти впивались в ладонь.

На маленькой станции Мортен вышел купить фруктов. Пока он получал сдачу, поезд медленно тронулся, и Мортену удалось вскочить

лишь в последний вагон. Он прошел через весь состав, а когда добрался до своего купе, то увидел, что молодая женщина стоит, держась одной рукой за багажную сетку, где лежал его чемодан, и грызет ногти другой руки. Чувствовалось, что она огорчена. Заметив Мортена, она улыбнулась и промолвила:

— Я так боялась, что вы отстали.

— Вот спасибо,— сказал Мортен и хотел поцеловать ей руку.

Но девушка покраснела и спрятала руки за спину.

— Ах, они у меня такие страшные! — смущенно сказала она.

Мортен покачал головой.

— Что вы, руки, которые приносят исцеление, никогда не могут быть безобразными. Я невольно вспомнил свою мать, у нее самые ласковые руки и самые дорогие для меня на свете; они очень похожи на ваши.

Пока они ели виноград, Мортен рассказывал про свою старушку-мать, которая всю жизнь трудилась и никогда не знала отдыха. Когда она приходила к кому-нибудь в гости и слышала плач малыша, она бросалась к нему и меняла пеленки. Случалось, на нее обижались за это, но бывало также, что женщины останавливали Мортена на улице и говорили: «Какая у вас замечательная мать!»

Молодая женщина внимательно слушала Мортена — и вот что удивительно: руки ее теперь спокойно лежали на коленях, напоминая два прекрасных раскрывшихся цветка.

Поезд прибыл в Бад-Ос, где Мортену предстояло пересесть на «кукушку», которая должна была везти его через горы в Баден-Баден.

— Спасибо вам за компанию! — сказал Мортен своей спутнице.

Она на мгновение задержала его руку, потом быстро отдернула свою, сняла его чемодан и отнесла на перрон; затем, посмотрев на Мортена долгим взглядом, вскочила в вагон.

— Один инвалид старается облегчить участь другого,— пробормотал Мортен.

Ему было как-то не по себе, и он скрылся позади небольшого перронного буфета. Ну, теперь конец приятной встрече! Все же ему захотелось еще раз посмотреть на свою спутницу, и он осторожно выглянул из-за угла. Она стояла у открытого окна и, как ему показалось, искала кого-то глазами. Наконец она увидела Мортена, и он подошел к вагону.

— Я решил еще раз проститься с вами и поблагодарить вас за внимание,— смущенно сказал он.— Это была чудесная встреча, но вряд ли она повторится.

— Я как раз собираюсь с подругами поехать в воскресенье в Баден-Баден, значит, мы еще можем с вами встретиться, если вы в три часа придете к конечной остановке трамвая у «Меркурия».

Но вот поезд тронулся и скоро исчез из вида. Мортен снова ощутил какую-то пустоту, как будто перед его глазами мелькнул на миг просвет, будто раздвинулся темный занавес, отделявший его от других людей, отчего он чувствовал себя невероятно одиноким; а теперь он неожиданно встретил в чужом сердце сочувствие, что вообще редко бывает. Немцы кажутся сдержанными, а на самом деле они очень отзывчивы. Теперь темный занавес снова наглухо закрылся. Правда, в воскресенье Мортен может встретить эту женщину,— она пробудила в его сердце такую нежность, какой он ранее не знал.

Свидание чуть-чуть не сорвалось. Трамвай до «Меркурия» ходил с получасовым промежутком. Мортен доехал до конечной станции и никак не мог отыскать здесь свою спутницу среди девушек, весело болтавших друг с другом. Он уже решил вернуться и поджидал трамвай, который в это время делал круг. Мортен был сильно разочарован, можно сказать, просто убит, но не хотел в этом себе признаться. Но вот трамвай подошел ближе, и на передней площадке Мортен увидел свою знакомую. Заметив его, девушка спрыгнула, в глазах ее он прочел укор.

— Я думала, ты совсем не приедешь,— с серьезным видом сказала она.— Отец считает, что ты просто авантюрист, и советует мне держаться от тебя подальше.

— А ты рассказала про меня отцу? Я говорю «ты», потому что ты первая так обратилась ко мне.

— Да ведь ты сам говорил мне «ты» с первого же раза,— звонко рассмеялась молодая женщина.

— Неужели?

— Ну, конечно, еще в поезде, когда хотел показать мне что-нибудь, ты говорил: «Посмотри, вон там...»

— Что же еще сказал твой отец?

— Разумеется, я говорила ему про наше знакомство и о том, что мы решили встретиться.

— И он, наверное, считает меня мошенником?

Девушка кивнула головой.

— Я подумала то же самое, когда не нашла тебя здесь, и уже собралась было домой. Все-таки как хорошо, что мы с тобой не разминулись, иначе...

Мортена даже кольнуло в сердце,— в самом деле, он ведь не записал ее адреса.

Взявшись за руки, они, как дети, раскачивали ими и продолжали беззаботно болтать; каждый из них был по-своему одинок и теперь вдруг почувствовал радость от душевной близости.

— Как нам, двум инвалидам, хорошо вместе! — заметил Мортен.

— Правда, мне тоже так спокойно рядом с тобой, я вечно боюсь всего.

— Всего боишься?

— Ужасно боюсь. Возможно, у меня просто нервы шалят, но я никак не могу отделаться от чувства страха.

— Хочешь, будем чаще встречаться?

Девушка кивнула головой:

— Да. Ведь ты тоже одинокий. Мне показалось, что ты не знал счастья в жизни.

— В этом виноват мой возраст; нелегко человеку средних лет залечивать сердечные раны, да еще нанесенные более молодыми. Но понемногу я прихожу в себя.

Оба они уютно устроились в кафе и болтали обо всем на свете. Все казалось им одинаково важным, они говорили, говорили без конца. Вдруг Мортен заметил, что собеседница его очень красива. До сих пор пленяла она его не внешностью, а душевным теплом.

— Почему ты так странно смотришь на меня? — спросила девушка.

— Потому что я только заметил, что ты красивая.

— Ах, только заметил... — протянула она.

И они, как ни в чем не бывало, продолжали болтать о всяких пустяках, будто давным-давно были знакомы и впереди у них, по крайней мере, целая вечность, чтобы хорошенько узнать друг друга.

Мортен держал ее мягкую, нежную руку в своей и вдруг почувствовал, как пальцы девушки начали нервно дрожать, словно давали сигнал другой руке. Он ласково погладил дрожавшие пальцы с неровными, обкусанными ногтями. Молодая женщина умоляюще посмотрела на своего спутника, но руки не отдернула.

— Это все от нервности,— тихо сказала она,— я начала кусать ногти в годы войны, и с тех пор это вошло в привычку. Когда нас бомбили, мы прятались в подвалах и не знали, что с нами будет, ведь отец был на фронте.

— Ну, а сейчас я заговорю твои руки, они теперь будут мои! Значит, больше не станешь уродовать их?

В знак обещания она слегка кивнула головой и нерешительно протянула:

— Если только смогу... Я всегда спохватываюсь, когда уже поздно.

— И часто вы прятались в подвале?

— Да, почти ежедневно и в течение долгого времени. Мать будила нас среди ночи, как только объявляли воздушную тревогу. Возле кроватей всегда лежал узелок с нашим платьем, надо было как можно быстрее бежать в подвал, и только там мы одевались.

— А подвалы у вас были надежные?

— Да, от бомб они спасали, но все мы боялись, что нас отравят ядовитыми газами. Заснуть там мы не могли, потому что никто из нас не хотел сидеть близко к окошку, мы все время ссорились из-за места.

— Что же, эти «воздушные дьяволы» бомбили только ночью?

— Нет, однажды они прилетели даже днем. Это было в воскресенье, я пошла на кладбище, на могилу тетки, но тут же бросилась бежать домой, упала, поднялась на ноги, снова упала и, наконец, потеряла сознание. В этот день бомбы попали в здание цирка, где собралось много ребят, и сто восемьдесят детей были убиты. С того времени я теряла сознание всякий раз, когда бомбили наш город. Женщины в ландтаге, где я работаю, не считали нужным оказывать мне помощь, я просто лежала до тех пор, пока не приходила в себя. Они думали, что я притворяюсь. Я была среди них самой молодой, и начальник жалел меня.

Вспомнив о бомбежках, девушка вырвала у Мортена руку, поднесла ее было ко рту, потом испуганно отдернула.

— Брось вспоминать прошлое! — сказал Мортен, подымаясь из-за стола.— Лучше давай прогуляемся. Когда-нибудь после расскажешь мне обо всем подробнее и тогда окончательно забудешь все...

По крутому склону они добрались до вершины холма, где с наблюдательной вышки открывался чудесный вид на расстилавшиеся вдали леса Шварцвальда и извилистую ленту Рейна, а на самом горизонте вырисовывался Страсбургский собор. На открытой вершине ветер дул с такой силой, что Мортену и его спутнице приходилось кричать, иначе они не

могли расслышать слова. Здесь, наверху, ревел ветер, а внизу вся долина купалась в мягких солнечных лучах.

— Держись крепче! — задорно крикнул Мортен. — Видно, ведьмы мчатся мимо нас, торопятся на шабаш в Реннштейг [1]!

— Я буду держаться за тебя! — ответила Жаннета и, звонко засмеявшись, обняла Мортена.

Ветер растрепал ее тяжелые косы, и они развевались, как черный флаг. Сняв повязку, Мортен обеими руками стал помогать Жаннете собрать волосы.

— Вот как, ты уже можешь двигать больной рукой! — радостно воскликнула она. — Положи еще раз руки мне на голову, это так приятно!

Мортен прижал ее головку к своей груди. Жаннета вся задрожала, словно ее знобило, затем успокоилась и блаженно опустила веки. Мортен хотел поцеловать ее в глаза, но вместо этого поцеловал в губы.

— Нежными коснись руками
Ты моих усталых глаз!
Мы тогда забудем сами
Горе, что терзало нас, —

шепнула Жаннета и еще теснее прижалась к Мортену.

Потом они спустились с холма и пошли через долину в деревушку Лихтенталь, а оттуда через парк вернулись в Баден-Баден.

На вокзале, перед отходом поезда, Мортен спросил Жаннету:

— Неужели мы больше не увидимся?

— Это зависит от тебя, — ответила она, крепко пожимая ему руку.

— Да разве я могу отдаться своему чувству, ведь я человек несвободный?..

— Все равно давай встретимся, приезжай ко мне в Карлсруэ.

— Как, явиться к тебе в дом?

Жаннета покачала головой:

— Нет, я ведь рассказала отцу, что мы с тобой условились встретиться, и он отсоветовал мне; он подумал, что ты один из тех самых... ну, ты знаешь, кого он имел в виду. Приезжай в субботу и жди меня на базарной площади между восемью и девятью часами утра, в это время я покупаю там провизию.

Для Мортена настали тяжелые дни: его мучила совесть, он без конца упрекал себя. Он решил не ехать в Карлсруэ, чтобы разом покончить с этим знакомством, он не имел права продолжать его не только из-за самого себя, но главным образом из-за Жаннеты.

Однако Мортен все время думал о ней, мысленно представлял себе, как он едет в Карлсруэ, как он ходит по рынку, разыскивая ее. Пока он принимал горячую грязевую ванну, сердце его замирало при мысли, что Жаннета вдруг не придет на свидание. Мортен измучился в эти дни, устал от того, что горькие упреки самому себе сменялись смутной надеждой.

На другой день он встал рано и выехал первым поездом в Карлсруэ. На рынке шла оживленная торговля зеленью и фруктами, но Мортен нигде не видел ларьков, в которых продавали мясо.

Вскоре он заметил Жаннету с корзинкой на руке, она обходила один ларек за другим, выбирая продукты. Девушка была без шляпы, черные косы венком обрамляли лицо. Она казалась задумчивой и рассеянной, но сразу оживилась, когда увидела Мортена.

— А я уже решила, что ты не придешь, и совсем собралась было домой, — сказала Жаннета, беря его под руку. — Почему ты снял повязку, неужели рука больше не болит?

— Немножко болит, но ужасно противно ходить с перевязанной рукой, все время чувствуешь себя инвалидом; я просто засовываю большой палец в жилетный карман и таким образом поддерживаю руку. Как же ты говорила, что собралась домой, а сама не сделала еще ни одной покупки? — спросил он и встряхнул ее корзинку.

— Ах, я совсем позабыла, что сказала тебе об этом, я просто хотела подразнить тебя.

Жаннета и Мортен накупили овощей и отправились в парк, там они отыскали самую уединенную скамейку. Мортену что-то мешало заговорить, словно какой-то комок давил ему горло. Теперь придется объясниться начистоту, он должен посвятить ее, как это ему ни тяжело, во все свои жизненные неурядицы. Сам Мортен не в силах был порвать с Жаннетой, а когда он расскажет про себя всю правду, она, конечно, отшатнется от него. Прежде чем заговорить, он старательно откашливался: тяжело ведь произнести самому себе смертный приговор!

— Что с тобой? — спросила Жаннета и притронулась к нему. — Скажи хоть слово!

— Тебе сегодня не надо идти на работу?

— Нет, сегодня день рождения моего отца; я хочу немножко его побаловать, ведь он сильно скучает по маме. Я рассказала ему о нашей воскресной встрече и вообще про тебя.

— Но ведь ты же ничего не знаешь обо мне, разве только то, что я писатель.

— Отец даже не слыхал твоего имени и не очень доверяет тебе. Он говорит, что писатели — народ легкомысленный.

— Что ж, это целиком относится и ко мне, поэтому лучше держись от меня подальше.

Жаннета с удивлением посмотрела на Мортена.

— Нет, ты это не всерьез говоришь... — и вдруг испуганно, понимая, что он не шутит, схватила его за руку.

— Нет, совершенно серьезно. — Мортен тяжело вздохнул и выдернул свою руку. — Я ведь пожилой человек, чуть не вдвое старше тебя. К тому же у меня есть жена и дети.

— Но ты, кажется, возбудил дело о разводе?

— А что, если суд откажет мне? Да и твердого заработка у меня тоже нет.

— И у тебя больная рука, а потом... что еще потом? — И она закрыла ему рот рукой.

— И еще многое другое... — Ее прикосновение как будто лишило Мортена последних остатков решимости, он заметил: — Ты мне делаешь только еще больнее. Я также и революционер.

— А что это такое? — спокойно спросила Жаннета.

— Революционеры — такие люди, которые не допускают, чтобы у одних было всего вдоволь, а другие бы нуждались. Меня в любой момент могут выслать из Германии.

— Ну, что же, ты поедешь тогда к себе на родину!

Мортен невольно улыбнулся:

— На родине вряд ли будут рады меня видеть, по крайней мере власть имущие, простой же народ меня любит.

Жаннета непонимающе посмотрела на Мортена. В том, что он рассказал, для нее не было ничего пугающего; более странным ей показалось, что он умышленно избегает говорить об их отношениях и своих родных.

— У вас в доме, повидимому, совсем не читают газет и журналов? — спросил Мортен.

— Это верно. С тех пор, как прогнали кайзера, отец перестал интересоваться газетами. У нас есть кое-какие книги, даже роман Рикарды Гух,[2] но никто из нас не увлекается чтением. По вечерам мы занимаемся музыкой, отец играет на валторне, брат — на скрипке, а я пою. Когда сестра Бетти еще жила с нами, она всегда аккомпанировала мне. Потом она вышла замуж и ради мужа приняла католичество, за это родители очень рассердились на нее.

— Неужели вы такие ревностные протестанты?

— Отец, а также я и Бетти до своего обручения пели в церковном хоре. Поэтому все наши прихожане были возмущены, когда она переменила веру.

Мортен уже позабыл, что собирался отпугнуть Жаннету.

— Видно, жизнь у тебя была мало интересной, — взволнованно сказал он и взял ее за руку.

— Вовсе нет, перед войной было так приятно сидеть дома, когда отец возвращался из уголовного суда: мы целые вечера занимались музыкой, иногда отец рисовал фасоны для наших платьев, а мать сама шила. Она не любила сидеть сложа руки. Потом отец ушел на войну, и наступило тяжелое для нас время. Мы считались довольно состоятельными, у родителей было в банке больше ста пятидесяти тысяч марок, которые они копили на приданое для меня и Бетти чуть не с самого дня нашего рождения. Когда началась война, родители купили облигации военного займа.

— Вам и голодать пришлось?

— Ну, разумеется, голод мы испытали. Отец совсем помешался на войне, на ночь бинтовал себе усы, чтобы утром они торчали, точь-в-точь как у самого кайзера. И все наши золотые вещи: обручальные кольца, драгоценности матери, все, что можно было переплавить, было пожертвовано государству. А к крестьянам постепенно перешло все наше столовое серебро. Когда мы чуть не заболели, питаясь одной кольраби [3], мать дала мне серебряную ложку и сказала: «Сходи в деревню и постарайся достать хлеба, а лучше всего и кусок мяса впридачу». Большинство крестьян, когда я стучалась к ним в дом, лишь приоткрывали дверь; тогда я догадалась, как поступить: просунула в щель ложку, и крестьянка дала мне за нее немного хлеба и картофеля. Получила я за ложку очень мало и все же этому была рада, только боялась, как бы по дороге домой жандармы не забрали у меня продукты: тогда было издано строгое запрещение запасать провизию. Вот куда ушло наше столовое серебро, теперь ничего от него не осталось. А когда мы узнали, что все отданные нами государству сбережения пропали, мать разбил паралич, а отец чуть не помешался. Он говорит, что не имеет морального права выдать меня замуж.

— Неужели потому, что у тебя нет приданого?

Жаннета кивнула головой:

— Он даже говорит, что если я вздумаю выйти замуж, то лишит меня наследства. Я только смеюсь, а он сердится: ведь у нас нет ни гроша. Кроме того, я терпеть не могу мужчин.

— Это легко говорить, пока ты не влюбилась.

— Я уже много раз была влюблена, но я не выношу, когда мужчины становятся назойливыми.

Мортен не помнил, как он взял руку Жаннеты и начал ласково гладить ее пальцы.

Жаннета покачала головой:

— Я перестала кусать ногти с тех пор, как мы были с тобой на «Меркурии». Отец прямо удивляется, как это удалось тебе; сам он никак не мог отучить меня и говорит теперь, что ты, наверное, меня загипнотизировал.

— Во всяком случае, без всякого умысла с моей стороны. Однако я вижу у тебя очень дорогое кольцо. Каким образом оно уцелело за годы войны?

— Это — счастливое кольцо: отец как-то нашел его среди старых бумаг одного человека, казненного за убийство. Дело подлежало уничтожению по давности. «Это — счастливое

[1] Древняя дорога, проходящая по горному хребту в Тюрингенском лесу.

[2] Немецкая писательница, автор многочисленных исторических романов.

[3] Разновидность капусты.

кольцо,— сказал отец,— я не сдам его в казну, а подарю тебе!» Ты веришь в счастье, Мортен?

— Только не в такое, которое растет как сорняк возле виселицы или которое можно добыть на поле битвы. Повидимому, существует только одно подлинное счастье — это всеобщее счастье. Мне кажется, что ваш народ никогда не знал счастья, и твой отец, вероятно, тоже.

— Нет, наоборот, он чувствовал себя счастливым, пока мог вспоминать о победах семидесятого — семьдесят первого годов; все мужчины, сходясь за кружкой пива, постоянно твердили о них. Но ты прав, с тех пор, как мы потерпели военное поражение, отец забыл, что такое счастье. Жизнь стала серой; я, кажется, возьму и стану сестрой милосердия.

— Будешь вечно ходить в черном и смотреть за больными?

— Да. Мы подали прошение в протестантскую школу сестер милосердия, но там потребовали, чтобы я принесла полное обмундирование: по дюжине чулок, белья, платье и все черного цвета, а этого мы никак не могли осилить.

— Вот на этот раз счастье действительно тебе улыбнулось,— с дрожью в голосе заметил Мортен.

— Значит, ты не веришь в счастье от бога, о чем всегда толкуют католики? Может быть, ты вовсе даже не протестант?

— Верно, дитя мое, я атеист и язычник во всем, что касается жизни на небе и тому подобного. Я предпочитаю, чтобы нам, людям, хорошо было на земле: ведь мы живем только один раз!

— Значит, ты не веришь и в загробную жизнь? А отец верит; когда он отказывает себе в лишней кружке пива, он говорит: «Это мне зачтется на том свете». У отца есть на примете один пастор, за которого он прочит меня замуж,— очень симпатичный и в одних летах с тобой. «Будешь жить без всяких забот»,— сказал мне он. К тому же пастор рассчитывает на получение богатого прихода.

— Вот тебе и следует взять его в мужья,— сказал Мортен с насмешливой улыбкой.

— Почему ты так думаешь? Неужели, потвоему, я стремлюсь только устроиться получше и примириться с этим? Как будто меня уже ничего больше не ожидает в жизни, я все испытала и мне не на что рассчитывать! — И сердитым тоном Жаннета прибавила: — Не хочу я быть толстой пасторшей и жить в золотой клетке! Впрочем, поговорим лучше о тебе, а то я слишком много наболтала. Скажи, ты любишь меня?

Еще бы! Мортен, казалось, даже не мог заговорить, так сильно билось его сердце. Это удивительное создание, в котором так странно сочетались черты ребенка и женщины, ее чистая, прямая душа и бедные нервные руки глубоко тронули его; не зная, что ответить, он терзался, то упрекая самого себя, то мечтая о том, как бы помочь Жаннете избавиться от жизненных невзгод.

— Что значит «люблю»? — Мортен сидел, подавшись вперед, обхватив голову руками, в его голосе послышались жалобные нотки.— Разве я не рассказал про себя решительно все: что я не свободен и далеко не молод; что я развелся с первой женой, а теперь начал дело о разводе со второй? Мне надо давать на жизнь двум женщинам и их детям, хотя у меня нет твердого заработка. Кроме того, я почти на положении изгнанника и вынужден пробивать себе дорогу на чужбине... Неужели ты забыла про все?

— Может, и забыла, а может, и не разобрала как следует. Ты боишься за будущее?

— Нет, не боюсь, меня хорошо знают здесь, в Германии, да и в других местах тоже. Но ты ничего не понимаешь в моей работе — и это меня пугает.

— Мне нужны вовсе не твои книги, а ты сам! Если ты меня любишь, то я поеду с тобой в Гейдельберг.

— Как, сегодня же днем?

Девушка кивнула в ответ головой.

— Жаннета! — Мортен схватил ее руки и хотел поцеловать их.

— Целуй меня по-настоящему! — серьезно сказала она.— Только ни отец, ни мама не должны знать, что ты был уже два раза женат...

— И что две мои дочери старше тебя,— мучительно произнес Мортен.— Не хочешь говорить родителям, а как ты сама на это смотришь?

— Право, не знаю. Пойдем теперь отсюда. Проводи меня до угла улицы, на которой я живу, только не бери под руку, не нужно, чтобы кто-нибудь увидел нас вдвоем.

Цель, которую Мортен поставил себе, была, следовательно, достигнута, он отпугнул Жаннету. Никогда ему еще не приходилось пускаться на такие уловки. Теперь конец всему! Чему, собственно? Разве он сам не отрезал себе путь к счастью, поступив, как настоящий самоубийца?

В каком-то отупении Мортен бродил по городу, пообедал в трактире на базарной площади и отправился на вокзал. Он был, пожалуй, склонен совсем отложить поездку в Гейдельберг, пусть издатель справляется как знает.

В зале ожидания Мортен уселся за стоявший посередине круглый стол и томился от безделья: его поезд должен был отойти только часа через два. Как и всегда, когда ему приходилось испытывать душевное потрясение, он почувствовал сильную головную боль и, положив голову на стол, заснул. Услышав, что рядом кто-то стонет, он очнулся. За столом против Мортена сидел крестьянин, который, повидимому, мучился от зубной боли. Он раскачивался из стороны в сторону, ухватив пальцами коренной зуб, старался его вырвать и протяжно стонал. Глядя на него, Мортен позабыл о своих собственных горестях.

Вдруг чья-то рука коснулась его плеча, Мортен испуганно оглянулся: перед ним стояла Жаннета в желтом костюме, с маленьким чемоданчиком в руках.

— Пойдем,— решительно промолвила она, задев Мортена локтем, и, не дожидаясь его, направилась к двери на перрон. Вид у нее был чрезвычайно серьезный.

Только когда поезд тронулся, Жаннета ласково взяла Мортена за руку и сказала:

— Отец очень рассердился на меня, он без конца твердил: «Я лишу тебя наследства»,— но все же донес мой чемоданчик до трамвая. Посоветоваться с матерью я ведь не могла, но наша соседка фру Коль сказала мне: «Поезжай, Жаннета! Ты ничем не рискуешь, в крайнем случае вернешься домой». Ну, а теперь поцелуй меня!

Перевод А. КОБЕЦКОЙ и А. ЭМЗИНОЙ.

Гордость латышского народа

А. М. Горький отмечал, что качество таланта не зависит от численности народа, породившего его, и среди имен больших писателей малых народов назвал имя «мощного поэта» Яна Райниса.

Ян Райнис (псевдоним Яна Кришьяновича Плиекшана) родился в 1865 году в семье зажиточного латышского крестьянина. По окончании гимназии он поступает на юридический факультет Петербургского университета. Здесь юноша зачитывается русскими классиками и общается с передовой интеллигенцией и революционно настроенным студенчеством, знакомится с марксистской литературой и нелегальными брошюрами. Впоследствии Райнис издает сборник сатирических стихов, направленных против латышской реакционной буржуазии, а затем редактирует прогрессивную газету «Диенас Лапа». Позже поэт был арестован и выслан в Вятскую губернию. В ссылке Ян Райнис оказался в кругу русских революционеров, отстаивавших позиции ленинской «Искры». Здесь, в ссылке, пишет он первый сборник своих стихов «Далекие отзвуки синего вечера».

Книга эта открыла новую страницу в латышской поэзии. Предчувствие грядущей революции и страстное стремление к ней — вот основная тема сборника.

С самого начала революции 1905 года Ян Райнис становится в ряды активнейших ее борцов. Огромную роль в воспитании революционного сознания широких масс трудящихся Латвии сыграла вторая книга его стихов — «Посевы бури», появившаяся в бурные дни 1905 года. Мужеством, отвагой, твердой верой в правоту дела пролетариата и в его конечную победу наполнена каждая строка этой замечательной книги. «Так не останется, так оставаться не может, все переменится в мире до самых корней!» — заявляет поэт в одном из стихотворений. Но вместе с тем он твердо знает, что «то время новое, что слышится во всем, к нам не придет, коль мы не приведем», и зовет на бой за счастье трудового народа. Не было такой фабрики и мастерской, где бы не читали и не повторяли наизусть стихи Яна Райниса. В конце 1905 года, когда кровь латышских рабочих заливала мостовые Риги, а в деревнях свистели казацкие нагайки, Райнису во избежание жестокой расправы пришлось тайно покинуть родину.

Почти пятнадцать лет провел он в Швейцарии. Здесь поэт создает одну из самых любимых книг латышского народа — «Тихую книгу». Стихи этого сборника полны глубокой скорби по погибшим и неизбывной веры в грядущую победу революции.

Помимо нескольких стихотворных сборников («Тихая книга», «Новая сила», «Те, кто не забывают» и другие), каждый из которых становился событием в латышской поэзии, Райнис создал также пьесы «Золотой конь», «Индулис и Ария», «Вей, ветерок», во многом продолжающие революционные традиции самого крупного его драматического произведения — «Огонь и ночь».

Вернувшись на родину в 1920 году, Райнис все больше убеждается в невозможности подлинной свободы в рамках существовавшего тогда в Латвии буржуазного строя. Все свои последние годы поэт провел в отчаянных поисках выхода. Он умер 25 лет назад — 12 сентября 1929 года.

Вскоре после того как Латвия вошла в семью советских республик, Яну Райнису было присвоено почетное звание народного поэта.

Произведения Яна Райниса издаются в Советской Латвии в сотнях тысяч экземпляров. С его творчеством знакомятся в переводах и другие народы СССР.

Недавно в большой серии «Библиотеки поэта» вышел наиболее полный сборник произведений этого крупнейшего латышского поэта.

Л. БЛЮМФЕЛЬД

АРХАНГЕЛЬЦЫ

Затихли аплодисменты, опустел зрительный зал. И только тогда билетер заметил старую женщину небольшого роста, поднявшуюся с кресла первого ряда.

— Как бы мне пройти за сцену? — спросила она.— Хочу поближе посмотреть своих давнишних знакомых — портартурцев.

Узнав, что перед ним участница обороны Порт-Артура Вера Георгиевна Андреева, билетер поспешил провести ее за кулисы. Тотчас участники спектакля «Порт-Артур», еще не снявшие грима и не сменившие костюмов, окружили ее плотным кольцом. Андреева же, усевшись в кресло и опершись на палочку, долго всматривалась в лица актеров Архангельского большого драматического театра, вслух вспоминая давно минувшие события.

Актеры засыпали Веру Георгиевну градом вопросов; она, посмеиваясь, отмахивалась:

— Что вы все так на меня смотрите? Не подумайте бог весть что: я ведь была всего лишь простой медицинской сестрой.

— Ну да, простой! Мы же знаем: у вас два Георгия да еще пятнадцать медалей, а недавно вас орденом Ленина наградили.

— Орден Ленина — самую дорогую награду — мне за долголетнюю работу сестрой дали... А сегодняшний спектакль снова воскресил в памяти события — и те, свидетельницей которых я была, и те, о которых рядовой портартуровец узнал уже позднее. Разве тогда мы, медсестры, да и солдаты, могли знать закулисную жизнь офицерства, тем более генералов? Ну, генеральшу Стессель я видела не раз — важная, чванная. Самого же Стесселя я гораздо позже в Царском Селе на прогулке встретила; тогда судебное следствие над ним шло к концу. Авантажный был старик, невозмутимый, будто его хата с краю... А среди солдат разговоры были об измене Стесселя, о подлостях и жестокости генерала Фока, о продажности интендантов. Крепко болел душою солдат за Россию...

«Северные зори» Н. Никитина. Сцена в штабе Красной Армии.

«Порт-Артур» А. Степанова и И. Попова. Первое появление адмирала Макарова (второй справа — артист В. Н. Листопад) у генерала Стесселя (первый справа — артист А. Н. Кудерман).

«Старик» М. Горького. Старик — Д. С. Алексеев. Девица — М. Н. Елисеева.

Эта неожиданная встреча много дала коллективу театра, восстановившему на сцене страницы русской истории далеких лет.

Режиссура правильно строит основную линию спектакля, как бы создавая ряд иллюстраций к историческим словам В. И. Ленина: «Не русский народ, а самодержавие пришло к позорному поражению... Капитуляция Порт-Артура есть пролог капитуляции царизма».

Архангельцы верно поняли и раскрыли идею. Это спектакль о героически воюющем народе, который противопоставлен военной верхушке Порт-Артура — предателям и изменникам в генеральских мундирах.

Большое достижение постановки — образ поручика Борейко (заслуженный артист РСФСР С. Н. Плотников), вышедшего из низов, хорошо понимающего солдата и вместе с ним проявляющего беспредельный героизм. Интересен В. Н. Листопад в роли адмирала Макарова. Зритель видит на сцене умного, настойчивого, волевого человека, мыслителя.

Полноценное сценическое решение получили роли русских солдат, главных героев эпопеи. И солдат из рабочих Филипп Блохин (Б. И. Горшенин), и задумывающийся о судьбах народа рядовой Иван Терешкин (Г. В. Ханов), и взводный Софрон Родионов (И. Н. Крутилин), и безымянные солдаты и матросы в сценах на Электрическом Утесе — каждый убедителен, характерен, а все вместе они составляют образ бесстрашного русского воина, для которого судьба Родины дороже собственной жизни.

Тема героического народа прозвучала и в спектакле «Северные зори», показанном на гастролях в Ленинграде. Это пьеса о событиях, особенно близких и дорогих каждому архангельцу, — о борьбе с интервентами на севере. Местные архивы, воспоминания старожилов,

свидетелей событий, данные об их участниках — изучение таких источников, бесспорно, сказалось на постановке. Исполнители ролей главных действующих лиц создали запоминающиеся образы людей, мужественно отстаивавших независимость родного края от англо-американских интервентов.

Комиссар Фролов (Б. И. Горшенин) — человек большой воли, прошедший трудный путь революционного подполья. Внешним обликом, манерой держаться и говорить актер передает огромную веру в правоту дела партии, оптимизм, любовное отношение к людям.

Колоритна фигура старого таежника Тихона Нестерова (заслуженный артист РСФСР Плотников). Сложную задачу — показать, как из угловатого добродушного студента, пришедшего по велению сердца «в революцию», вырастает в испытаниях мужественный солдат, сознательный, революционный боец-коммунист,— выполняет в спектакле молодой артист В. А. Каленчук. Обаятельна Люба, сноха Нестерова, которую играет М. Н. Елисеева. За окающим говорком и всеми интонациями молодой поморки, внешне грубоватой, упрямой и задорной, угадывается чистота и цельность натуры, прямодушие, душевная ясность этой дочери народа.

Менее выпуклые в инсценировке роли архангельских большевиков даны эпизодически и в спектакле, хотя актеры немало сделали для того, чтобы наделить их живыми чертами. Но главное, что вредит цельности спектакля, — это статичность массовых сцен. И все же, несмотря на ряд недостатков в режиссуре и исполнении ролей, спектакль свидетельствует о том, что Архангельскому театру по плечу пьесы народно-героического плана.

Третий значительный спектакль архангельцев, показанный ими в Ленинграде,— «Старик» А. М. Горького. Известно, что пьеса эта, относящаяся к 1915 году, — отповедь писателя культу достоевщины, которому отдала свою дань художественная интеллигенция того времени. В предисловии к одному из изданий пьесы Горький писал: «В пьесе «Старик» я старался указать, как отвратителен человек, влюбленный в свое страдание, считающий, что оно дает ему право мести за все то, что ему пришлось перенести...»

Успех спектакля во многом решает верная обрисовка характеров Старика и Мастакова, — в их взаимоотношениях убедительно звучит именно эта мысль Горького.

Д. С. Алексеев, опытный артист с большим творческим багажом, играет роль Старика, пользуясь скупыми и точными, выразительными приемами. Острота сценического рисунка, внешняя характерность и вместе с тем внутренняя наполненность образа — вот средства, которыми актер раскрывает облик этого изувера, полного ненависти к людям. Актер делает это постепенно. Сначала, при первом его появлении,— разведке у Мастакова — Старик тих и благостен, по-ханжески слащав, хотя и здесь иной раз прорывается душащая его злоба. Но вот он разобрался в том, какую гибель принес Мастакову. Теперь Старик, наглея и неистовствуя, уже тешится своей властью. А когда он доводит Мастакова до самоубийства, то снова, проклиная судьбу, Старик уходит, вернее, уползает со сцены.

В спектакле верно понят и хорошо сыгран С. Н. Плотниковым Мастаков. Каторга в прошлом — ошибка суда, необоснованно обвинившего его в убийстве. Тончайшие оттенки переживаний передает актер: томительное ожидание неотвратимого бедствия, горечь омраченной любви, боязнь нового позора — все это борется в Мастакове с чувством собственного достоинства. Уход его из жизни показан в полном соответствии с замыслом Горького: Мастаков не хочет и не может подчиниться Старику и своей смертью разоблачает бесплодность его проповеди страдания.

Включение в репертуар Архангельского театра этой сложной и редко идущей на сцене пьесы — свидетельство зрелости коллектива. Драматургия Горького вообще сыграла большую роль в формировании Архангельского театра, одного из старейших на периферии, вступившего во второе столетие своего существования. Еще в 1908 году Архангельский театр обращался к творчеству великого писателя, поставив пьесу «На дне».

В 1932 году, когда впервые поднялся занавес в великолепном новом здании театра, 1800 его зрителей смотрели спектакль «На дне». В 1937 году, в годовщину смерти Горького, в Москве проходил фестиваль горьковских спектаклей. В числе периферийных театров, участников фестиваля, был и Архангельский, показавший спектакли «Дачники» и «Последние».

Ежегодно ставя или возобновляя прежние свои работы над драматургией Горького (здесь получили воплощение почти все его пьесы!), театр считал и считает их лучшей школой сценического искусства. Практика архангельцев подтверждает это. Горьковская мысль, его страстное слово звучат со сцены театра как протест против всего отжившего и отживающего, как призыв к творчеству новой жизни. И тема эта, генеральная тема театра, ощутима во всех лучших спектаклях Архангельского областного драматического театра.

Е. ЛОГИНОВА и К. ЧЕРЕВКОВ

После спектакля «Порт-Артур». Участница обороны Порт-Артура В. Г. Андреева за кулисами.
Фото Н. Ананьева.

Льняная скатерть, выполненная на ручном станке по рисунку Альфреда Гинека.

Детская качалка, плетенная из вербы, сделана Яном Калоусом.

Фаянсовый сервиз для кофе. Авторы — В. Боучек и Л. Сиегель.

Художественные изделия чехословацких мастеров

Чехословакия издавна славилась художественными вышивками, изделиями из глины, керамикой. Это все работы народных мастеров. Только в богатой сокровищнице народных талантов можно найти столько красок, вкуса, выдумки, блеска фантазии.

Развитие национальной художественной культуры сказывается в быту: украшенная орнаментом кружка, красивой формы кувшин, затейливое кружево, удобная мебель радуют глаз.

Несколько лет назад в Чехословакии было создано Главное управление народного художественного производства. Оно провело немалую работу по собиранию исторического материала, изучению и использованию опыта старых народных мастеров Чехии, Моравии, Словакии. Художественные изделия народных мастеров становятся все более доступны самым широким слоям населения.

Октав Бенчил (1872—1944). 1907 ГОД (КРЕСТЬЯНСКОЕ ВОССТАНИЕ).

Николай Григореску. ЗА ВЫШИВАНИЕМ.

В КОННО-СПОРТИВНОЙ ШКОЛЕ

А. НОВИКОВ

Конно-спортивная школа добровольного спортивного общества «Наука» находится в Измайловском парке. На плацу с утра до вечера проходят тренировки. Здесь занимаются студенты и профессора московских вузов, научные работники, артисты московских театров.

Новичку, впервые ступившему на усыпанный опилками пол конюшни, бросается в глаза удивительная чистота и порядок. И вот состоялось первое знакомство с поджарым скакуном.

Познакомился новичок и с другими обитателями конюшни.

У Молибдена общительный характер.

Спардек на приеме у врача.

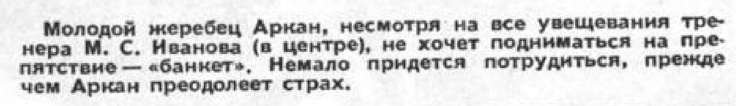
У Индры сегодня утром родилась дочка.

Но настоящее знакомство с лошадью происходит на плацу. Взято первое препятствие.

Первое падение и вместе с тем первая победа. Новичок выбит из седла, но он не забыл о заповеди кавалериста: повод ни при каких обстоятельствах из рук не выпускать.

Молодой жеребец Аркан, несмотря на все увещевания тренера М. С. Иванова (в центре), не хочет подниматься на препятствие — «банкет». Немало придется потрудиться, прежде чем Аркан преодолеет страх.

Сверстник Аркана Миф, верхом на котором сидит Виктор Христов, легко берет препятствие.

Конники «Науки» в момент преодоления препятствия (слева направо): выпускница МГУ Людмила Лазарева, выпускница музыкального училища имени Октябрьской революции Ия Щукина, студенты Московского автомеханического института Константин Агафонов и Ростислав Марков и студент Московского инженерно-строительного института Иван Клепов.

Прыжки через канавы, преодоление оврагов и круч — все это входит в систему тренировки. Мастер спорта Юрий Андреев на жеребце Кабуле прыгает через ручей.

Если копье или штанга могут лежать месяцами без движения, то лошадь — живой «спортивный снаряд» — нуждается в непрестанной тренировке. Ее мускулатура должна быть постоянно в спортивной форме.

Крутой подъем требует от лошади выносливости, а от всадника умения сидеть, не мешая, а помогая ей.

Вот как надо сидеть во время прыжка! Молодой конник Анатолий Гузко сфотографирован в момент приземления.

Наконец подходит день соревнований. Еще и еще раз старший тренер Михаил Сергеевич Иванов дает указания спортсменам, которым через несколько минут придется вступить в борьбу со спортсменами других обществ.

Манеж заполнили зрители. Сейчас начнутся соревнования.

ТРУД ВОИНОВ

Летний лагерь танкистов расположен в сосновом бору, на берегу Волги, мелководной и неширокой в верховьях. Уже по пути к лагерю невольно подпадаешь под обаяние мирного сельского пейзажа. Песчаная дорога сворачивает в лес, и душистая тень прогретой солнцем хвои обступает вас со всех сторон.

Но вот в лесную тишь, нарушаемую только птичьими голосами, вплетаются отдаленные шумы моторов и звонкая песня. Подминая хрустящий валежник, грузной и валкой походкой движутся танки, а за ними, четко печатая шаг, маршируют солдаты.

Машины и люди движутся в едином стремительном ритме. Дремучий лес выглядит теперь по-иному. Сторожевыми башнями крепости кажутся высоченные сосны и ели. Потом деревья расступаются, и перед нами тянутся ряды палаток — полотняный город, строго распланированный, нарядный своей особой, воинской чистотой.

Тут можно услышать и певучую украинскую речь и торопливую скороговорку северян, можно встретить и широколицых, коренастых сибиряков, и черноволосых грузин, и смуглых узбеков. У каждого воина гвардейский значок. Солдаты-танкисты, уроженцы разных краев необъятной нашей страны, несут здесь воинскую службу.

За частоколом танкового парка идет тренировка в управлении боевыми машинами. Тренажер — небольшая платформа, на которой смонтированы сиденье, педали, рычаги управления и контрольные приборы, — полностью воспроизводит боевой пост водителя танка. Перед тренажером — ящик с песком. По песку, неровному, изборожденному бугорками и рытвинами, движется крохотный, похожий на игрушку макет танка.

— Завести мотор! — командует старшина А. П. Измайлов и, мельком глянув на курсанта Бурчина, молниеносно передвигает макет. Руки Бурчина сжимают рычаги, ноги лежат на педалях.

Слушая команду инструктора, следя за каждым движением макета, курсант тотчас повторяет их на механизмах управления.

Молодой солдат Алексей Бурчин заканчивает обучение и скоро станет командиром танка. Но и тогда изо дня в день он будет упражняться на тренажере. Вместе с Бурчиным в учебном подразделении учится Алексей Жуков — наводчик орудия. Ровесники, одновременно начавшие военную службу, юноши хорошо овладели вождением танка.

Учитель молодых солдат А. П. Измайлов недаром завоевал первенство на окружных соревнованиях.

...Прорывая колючие заросли кустарника, выворачивая мшистый дерн, танк подходит к эскарпу. Это громоздкий бревенчатый сруб, скрытый под толстым слоем песка. На войне так могут выглядеть вражеский дзот, полуразрушенное здание и другие препятствия на пути. Эскарп нельзя обойти стороной, его надо преодолеть.

Танк становится на дыбы, из горизонтального принимает почти вертикальное положение. Всей многотонной своей тяжестью он взбирается на отвесную стену и, перевалив ее, приминая толстенные бревна, плавно сползает вниз.

Далеко впереди, в конце открытого поля, едва приметными бугорками виднеются укрепления «противника». Картина, хорошо знакомая старшему лейтенанту Сергею Дмитриевичу Пиунову по многим боям во время войны.

Это он, Сергей Пиунов, после трудного марша по лесам и болотам первый вывел свои танки к Балтийскому морю близ Данцига весной 1945 года. Отличную боевую выучку не раз показывало его подразделение на учениях в мирное время.

Сейчас, обучая молодых солдат, Сергей Дмитриевич готовит их к атаке переднего края обороны «противника». Впереди за низким кустарником заняла исходный рубеж пехота.

— В атаку! — устремленная ввысь над башней командирской машины радиоантенна разносит приказ по всему подразделению. И танки стремительно движутся вперед, подминая пни, корни деревьев. Из клубов едкой, сухой пыли донеслось громкое «ура». Это, пропустив машины вперед, поднялась в атаку пехота.

«Оборона противника» прорвана. После короткой схватки в траншеях «враг» в беспорядке отходит к лесу.

Не дать отступающим опомниться! Приняв на броню пехотный десант, машины устремляются к лесу. Тут стрелки и автоматчики спе-

Перевалив через отвесную стену, танки плавно сползают вниз.

Мастер вождения танков А. Измайлов (слева) и курсанты А. Бурчин и А. Жуков.

Стрелки и автоматчики спешиваются и рассыпаются цепью. Вскоре они исчезнут в зарослях.

шиваются и, рассыпавшись цепью, быстро исчезают в зарослях.

Позади остались лесные завалы, заболоченные низины. Впереди новое препятствие — река. Она может стать для «противника» оборонительным рубежом: с высокого противоположного берега удобно вести огонь.

Но разведка танкистов уже обнаружила брод: глубина здесь небольшая, дно твердое. И танки вместе со спешенным десантом с хода форсируют Волгу. Машины движутся наперерез быстрому течению, от гусениц разбегаются волны. Наконец позади и река. Задание выполнено.

И вот запыленные, облепленные мокрым песком танки снова спускаются к реке, к переправе. Они движутся неторопливо, один за другим, словно усталые труженики.

Над полотняным городком в лесу опускается предвечерняя тишина. Молодые воины собираются перед экраном летнего клуба, у книжных шкафов библиотеки, на лужайках под соснами.

Неподалеку от палаток солдаты окружили невысокого худощавого майора с Золотой Звездой над левым карманом гимнастерки. Это Герой Советского Союза Петр Филиппович Гаврилов. Начав боевой путь на Тереке, в дни обороны Кавказа, он прошел в рядах наступающих советских войск до Западной Двины.

Беседуя с молодыми, ветеран вспоминает свое первое боевое крещение под Минеральными Водами в феврале 1943 года. Удачная разведка подразделения Гаврилова обеспечила тогда стремительное наступление всей части. Памятен Петру Филипповичу и бой под Витебском, где он со своими танками перерезал железнодорожную линию.

Быстрота, натиск, маневр — золотые суворовские правила, подтвержденные опытом войны, особенно дороги советским танкистам. К новым успехам в учебе зовет молодых солдат живой рассказ ветерана.

За напряженным воинским трудом всегда следуют часы отдыха. Крепко дружат солдаты с воспитанниками подшефного детского дома. Веселый гомон поднимается тут, когда в настежь распахнутые ворота въезжает большой воинский грузовик. Ребята гурьбой обступают гостей, ведут их в просторные классы, нарядно убранные к началу учебного года, делятся своими новостями.

— Что же вы, дядя Саша, Виктора не узнали? — подталкивают товарищи рослого ремесленника к усатому солдату Егорову.

Виктора Журавлева, приехавшего в отпуск из соседнего городка, и впрямь не узнать — так изменился он за год после окончания семилетки.

— А у Нади Борюшиной как дела? — расспрашивает девочек солдат Павел Бешенцев. — Будет наша Надя доктором или нет?

— Обязательно будет! Все экзамены в медицинский институт сдала.

Вместе с ребятами танкисты усаживаются на траву на берегу речки. Большой теплотой, глубокой нежностью светятся солдатские глаза, обращенные к детворе. И для них — младших братьев и сестер — несут воины почетную свою службу, оберегая мирный труд народа.

С. МОРОЗОВ

Фото С. ФРИДЛЯНДА.

Вверху: С. Д. Пиунов ставит боевую задачу перед танкистами. Внизу: солдаты у воспитанников подшефного детского дома.

Сцена

Сергей МИХАЛКОВ

Рисунки А. Каневского.

Действующие лица

Фуфин — управляющий базой Снабсбыта.

Клюшкин — вахтер на базе, старик лет 70.

Сиделкин — работник базы.

Секретарша.

Тетя Маша — курьер.

Кабинет Фуфина. Тетя Маша стоит возле письменного стола. В руках у нее том Большой Советской Энциклопедии.

Тетя Маша (задумавшись, одна). Самая жирная-разжирная курица на рынке нынче не больше тридцати стоит, а он своего воробья за пятьсот рублей не отдает. Это при его-то зарплате! Смотри, пожалуйста, денег у него много.

Входит секретарша.

Секретарша. В библиотеке были, тетя Маша? Принесли энциклопедию?

Тетя Маша (подает секретарше книгу). Взяла. Библиотекарша спросила: «Зачем тебе, тетя Маша, энциклопедия?» А я говорю: «Это не мне. Это Захар Филатыч интересуется!» Вот она!

Секретарша (начинает листать книгу, шепчет). Вара... вара... вара...

Тетя Маша (покачав головой). Ну и Клюшкин! Воробья за пятьсот рублей не отдает.

Секретарша. Не воробья, тетя Маша, а варакушку!

Тетя Маша. А ну хоть бы и эту варакушку! Чай, она не больше воробья-то. У нее и название такое: варакушка! Небось, большую птицу так не назовут.

Секретарша (листает книгу). Вара... вара... Варакушка... Слушайте, тетя Маша. (Начинает читать вслух.) «Варакушка... красивая птица из семейства дроздовых. Оперение у самца — сверху буроватое, горла и зоба — синее; на груди белое или рыжее пятно; брюшко белое. Распространена В. в Северной Европе и Азии; на зиму отлетает в Южную Азию и в Африку».

Тетя Маша. Ишь ты, и в Африку?

Секретарша (продолжает читать). «В Советском Союзе обитает повсеместно, кроме степей и пустынь. Преимущественно встречается на равнинах и в горах во влажных местах среди кустарников или тростников. Гнездится на земле. Самцы хорошо поют».

Телефонный звонок.

(Снимает трубку). Вас слушают. Его нет. У товарища Фуфина обеденный перерыв. (Кладет трубку.) Подумать только, Захар Филатычу из Академии наук бумага пришла. Из самой академии!

Тетя Маша. Смотри, пожалуйста.

Секретарша (просматривая заметку в энциклопедии). «В Советском Союзе обитает повсеместно... Гнездится на земле. Самцы хорошо поют».

Тетя Маша. Не иначе у Клюшкина самец. Убей меня бог, самец! Послушал академик, как этот самец поет, понравилась ему песня, ну и решил приобрести для своего удовольствия! Денег не пожалел.

Секретарша. Если бы еще большая редкость, ну, там пингвин или попугай, который человеческим голосом разговаривает, а то какая-то незначительная птичка! Удивительно, честное слово! (Полоской бумаги закладывает нужную страницу, кладет книгу на стол.)

Тетя Маша. Пятый год я здесь работаю, по тридцать раз в день вхожу, выхожу, каждый меня в лицо знает, тетей Машей зовет, а когда он на проходной дежурит, — с ним все нервы растрепишь: предъяви ему пропуск, и только! А все из-за принципа! Он из-за этого своего стариковского принципа и птичку не продал. Истинный бог! Дескать, ты ученый человек из академии, а я простой вахтер на базе Снабсбыта, а птичку свою — проси не проси, я тебе ни за какие деньги не уступлю — смотри я какой!

Секретарша. Клюшкин-то как на грех сегодня выходной, так Захар Филатыч за ним на квартиру свою машину послал. Обедать пешком пошел.

Тетя Маша. Вот тебе и Клюшкин-вахтер! Честь какая! А все из-за этой варакушки!

Входит Фуфин. Тетя Маша выходит.

Фуфин. Клюшкина привезли?

Секретарша. Нет, Захар Филатыч, не привезли. Принесли шестой том Большой Советской — «Ботошани — Вариолит».

Фуфин (секретарше). Спасибо. Вызовите Сиделкина. Пусть ко мне зайдет. Привезут Клюшкина — прямо ко мне! По телефону пока ни с кем не соединяйте. Я буду занят.

Секретарша выходит. Фуфин подходит к своему столу, садится в кресло. Надев очки, он открывает лежащий перед ним том энциклопедии с закладкой на нужной странице. Начинает читать. По мере чтения выражение лица Фуфина становится все более озабоченным. Дочитав заметку до конца, откидывается в своем кресле и задумывается. Входит Сиделкин.

Сиделкин (деликатно). Разрешите, Захар Филатыч?

Фуфин. Заходи, Сиделкин! Садись. Мы с тобой сегодня не виделись? Здорово! (Протягивает через стол руку.)

Сиделкин. Здравствуйте, Захар Филатыч! (Пожимает руку Фуфину.)

Фуфин. Садись.

Сиделкин садится в кресло, стоящее в углу комнаты, неподалеку от стола Фуфина.

Фуфин (не сразу). Слышал? (Смотрит на Сиделкина поверх очков.)

Сиделкин. Слышал, Захар Филатыч! Ничего пока не понимаю! Ровным счетом ничего!

Фуфин. Я тебе отношение из академии не показывал?

Сиделкин (настороженно). Нет, Захар Филатыч, отношения я не видел. А что за отношение?

Фуфин встает, подходит к сейфу и, открыв его, достает какую-то красную папку. Из этой папки он извлекает бумагу. Закрыв аккуратно сейф и оставив в нем папку, Фуфин с бумагой в руках проходит на свое место за стол. Садится.

Фуфин (смотря в бумагу). Ну, тут все, как полагается... Все по форме... Бланк... штамп: «Академия Коммунального Хозяйства»... подпись... Одним словом, документ! Слушай, Сиделкин! (Начинает читать вслух бумагу.) «По имеющимся у нас сведениям, сотрудник вверенного Вам учреждения, вахтер комендатуры гражданин Клюшкин П. П. является обладателем птицы, относящейся к разряду первого семейства певчих дроздовых... (Делает небольшую паузу и произносит по слогам слово, написанное в бумаге по-латыни). «Тур-ди-на-е»... и известной под названием «Варакушки» — «Ци-а-не-ку-ла»... (Делает паузу и смотрит опять поверх очков на Сиделкина. Затем продолжает читать бумагу.) ...Являясь любителем-орнитологом и имея большую личную коллекцию птичьих чучел, я обратился к вышеупомянутому гражданину Клюшкину П. П. с предложением продать мне имеющийся у него экземпляр Ци-а-не-ку-ла, необходимый мне для пополнения моей коллекции. Однако, несмотря на предложенное мной гражданину Клюшкину П. П. денежное вознаграждение в сумме пятисот рублей, последний отказался продать принадлежащую ему птицу. Прошу Вас, как руководителя учреждения, оказать мне содействие в приобретении у вашего сотрудника гражданина Клюшкина П. П. нужной мне птицы за наличный расчет. С уважением, доктор технических наук, профессор М. М. Переплет-Поповский». (Снимает очки и протягивает бумагу Сиделкину.)

Сиделкин серьезно просматривает бумагу.

(После паузы). Твое суждение по этому вопросу?

Сиделкин (возвращая Фуфину бумагу). Академия-то коммунальная!

Фуфин. Что ни говори, а начальство!

Сиделкин (осторожно). Ну, это правда, постольку-поскольку...

Фуфин (недовольно). Вот именно... А на документ мне отвечать придется...

Сиделкин. Выходит, этот академик занимается коммунальным хозяйством, а интересуется птичками?

Фуфин. Это не наше с тобой дело, чем там академики занимаются. Важно, что поступил официальный документ. И не от кого-нибудь! Это тоже понимать надо! И не ко времени все это мне: завтра в областную контору меня вызывают, а тут, извольте радоваться, занимайся этой варакушкой!.. Какой он из себя, этот Клюшкин? Что-то я его не помню... Давно он у нас работает?

Сиделкин. Лет десять. Когда я пришел, он уже работал.

Фуфин. Как он работает? Взысканий не было? Не пьет?

Сиделкин. Старик исполнительный. Трезвый старик.

Фуфин (подумав). Как к нему эта птица попала? Поймал он ее, что ли, где-нибудь?

Сиделкин. Наверное, поймал. Говорят, он птицелов.

Фуфин. Какая у него зарплата?

Сиделкин. Рублей четыреста.

Фуфин. И за пятьсот рублей свою эту варакушку академику не продал? Ну и ну!.. (Качает головой.)

Сиделкин. Выходит, не продал.

Фуфин. А ну, как он и мне откажет?.. (Не сразу.) Свою машину за ним послал. Он выходной сегодня.

В дверях появляется секретарша.

Секретарша. Захар Филатыч! Клюшкин здесь.

Фуфин. Пусть входит.

Секретарша выходит.

(Сиделкину). Может, ты на него по профсоюзной линии повлияешь?

Сиделкин не успевает ответить, входит Клюшкин. Фуфин выходит из-за стола и идет навстречу старику.

Фуфин (улыбаясь). Здравствуйте, здравствуйте, товарищ Клюшкин!

Клюшкин (с достоинством). Здравствуйте, товарищ Фуфин!

Обмениваются рукопожатиями.

Фуфин. Вы уж нас извините, что мы вас потревожили в ваш выходной день! Дело у нас к вам есть. Вы не волнуйтесь. Садитесь, пожалуйста!

Клюшкин садится. Фуфин подвигает старику коробку папирос.

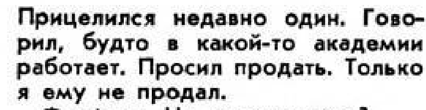
Клюшкин. Благодарю покорно, не увлекаюсь.

Фуфин. До ста лет хотите прожить? (Приятно улыбается.)

Клюшкин. Загадывать не загадываю, а проживется, так проживу.

Фуфин. Простите, как вас по имени-отчеству?

Клюшкин. Родители нарекли Понтием, а отца Петром звали.

Фуфин. Вы, Понтий Петрович, знакомы с товарищем Сиделкиным?

Сиделкин (с места). Мы знакомы.

Клюшкин. Видимся.

Фуфин. Вы ведь у нас в комендатуре вахтером работаете?

Клюшкин. Одиннадцатый год пошел, как при комендатуре состоим. Вы меня, конечно, редко когда видите. Вы прямо на машине во двор въезжаете, я вам только ворота открываю. А товарищ Сиделкин через проходную ходит — пропуск предъявляет.

Фуфин. Да, да... Я чаще на машине... Кстати, вас ведь сюда привезли? Я за вами свою машину посылал.

Клюшкин. Привезли. В бане меня нашли...

Фуфин. Вы уж нас извините, Понтий Петрович.

Клюшкин. Ничего... Невелика важность!

Фуфин (приступая к делу). Дело, Понтий Петрович, у нас к вам не совсем обычное... Слухами земля полнится, говорят, вы птиц ловите?

Клюшкин (неопределенно). Дело любительское.

Фуфин. И много у вас дома птиц? Какие именно?

Клюшкин. Разные, всякие есть... Щеглы, зяблики, чижи...

Фуфин. Наверное, как запоют все сразу, так прямо концерт?

Клюшкин. Не без этого. Раз у птицы такой дар от природы есть, чтобы ей петь, она и поет — не стесняется... В неволе, конечно, не так, как на воле — в лесу да в поле, но и к человеку привыкает, если он к ней понятие имеет... Привыкнет, глядишь, и в клетке запоет, ежели сыта и здорова!

Фуфин. Вот вы говорите, что у вас есть там разные щеглы, чижи... А вот рассказывают, что есть у вас еще одна птичка, под названием «варакушка». Что это за птичка такая?

Клюшкин (неуверенно). Да как сказать, чтобы не соврать...

Фуфин (ласково). Да уж вы, Понтий Петрович, пожалуйста, скажите, все как есть, не соврите!

Клюшкин (подумав). Птичка-невеличка. С ноготок.

Фуфин. Стало быть, небольшая такая птичка? Я вас правильно понял?

Клюшкин. Маленькая пташка.

Фуфин. И где же вы ее раздобыли, если не секрет?

Клюшкин. В камышах, на болоте я ее раздобыл. Летошний год поймал. Эти варакушки больше в сырой чаще селятся, поближе к воде.

Фуфин (заинтересовавшись). И часто вы их ловите, Понтий Петрович?

Клюшкин. Птиц-то? Да каждый год ловлю.

Сиделкин (неожиданно, с места). Продаете?

Клюшкин (обернувшись). Года три назад подарил одного певчего щегла в Дом пионеров, а продавать никому не продавал.

Фуфин. А что же вы с ними делаете?

Клюшкин. А ничего я с ними не делаю. Чего с ними делать? Поймаю птицу, зиму продержу, прокормлю, а весной выпускаю. Дело любительское.

Фуфин (с недоверием). Так-таки поймаете, зиму прокормите, а весной выпускаете?

Клюшкин. Ясное дело! Весной да летом она сама прокормится...

Фуфин (глубокомысленно). Да-а-а... А что же это все-таки за птица такая, эта варакушка? Не могли бы вы нам с товарищем Сиделкиным рассказать о ней более подробно? Так сказать, проинформировать нас...

Клюшкин. Это можно... (Задумавшись, а потом искренне и душевно, с большим интересом к собственному рассказу.) Варакушка — птичка большой красоты и душевности. А до чего ловка, я вам доложу! Смотришь на нее и не наглядишься! Полет у нее быстрый, но короткий. Вспорхнет над землей, пролетит немного и все кругами, знаете ли, такими небольшими,— ткнется в первое место, где от чужого глаза легче укрыться, и уже дальше бегом по земле: прыг, прыг, прыг! — да такими маленькими шажками, как по ниточке... И уже ежели начала прыгать, то пути себе не выбирает: что по сухому, что по топкому, по открытым ли местам, по густой ли траве, ей все равно, везде проберется!.. Мала птаха, да умна. С другими птицами живет мирно, но быстро подмечает, кто и как к ней относится, откуда опасности ждать... Самцы промеж собой насмерть дерутся, когда их по любовной линии заест! Ревнуют, можно сказать, друг дружку! (Покачав головой.) И смех и грех, право слово!.. А к человеку доверчива, близко его к себе подпускает, однако, начнешь ее преследовать,— сама в руки не дастся! Тут уж надо ее перехитрить! Ну, а если повезет птицелову, добудет он ее, в клетку посадит — его счастье! Потому милая она птичка, веселья в ней много! Весной дивно поет... Вот она какая, варакушка, товарищ Фуфин!

Фуфин (закуривая). Да-а-а... Любопытная птичка... Как, товарищ Сиделкин?

Сиделкин. Безусловно. (Тоже закуривает.)

Фуфин. Скажите, Понтий Петрович, у вас никто не хотел купить эту птичку?

Клюшкин. Почему не хотел? Прицелился недавно один. Говорил, будто в какой-то академии работает. Просил продать. Только я ему не продал.

Фуфин. Не сторговались?

Клюшкин. Да мы и не торговались. Так разошлись.

Фуфин. Сколько он предлагал вам за вашу варакушку?

Клюшкин. Сперва сотню предложил, а потом до трехсот рублей накинул.

Фуфин. А потом и пятьсот предложил?

Клюшкин. Хвастался, будто и пятьсот даст, ежели я ему ее уступлю. Только я не уступил.

Фуфин. Сколько же стоит такая птичка, по-вашему?

Клюшкин (помедлив). Ничего она не стоит.

Фуфин (не понимая). То есть как это так ничего? Что-нибудь она должна стоить? Коробок спичек, и тот стоит! (Показывает на коробок спичек.) А вам за нее пятьсот рублей предлагали!

Клюшкин (спокойно). Не стоит она этих денег!

Фуфин (теряя самообладание). Тогда скажите, сколько она стоит?

Клюшкин (пожимает плечами). А кто ее знает, сколько она стоит!

Фуфин. Ну, хорошо. Допустим, что она стоит гораздо дешевле. Но почему вы ее все же не продали, если вам сам покупатель предложил пятьсот рублей? Это же сумма! Полтысячи! Такие деньги на земле не валяются!

Клюшкин. Известно, не валяются! Не двугривенный! Двугривенный найдешь, и то нагнешься!

Фуфин (вытирает вспотевший лоб платком). Честное слово, товарищ Клюшкин, мы с товарищем Сиделкиным вас просто не понимаем! Почему вы не продали свою варакушку? По-че-му? Да знаете ли вы, товарищ Клюшкин, кто у вас хотел приобрести вашу пигалицу? Известный профессор! Доктор наук, в конце концов! Это вам не Дом пионеров! Не может же такой деятель сам ловить этих варакушек! Что же, вы не могли уважить такого заслуженного человека?

Клюшкин. Мы очень даже их уважаем. Зачем нам их не уважать? Да ведь кабы он для науки что требовал! А то ведь он для себя просил: он чучела набивает. Дело любительское!

Фуфин (выходит из-за стола, ходит по комнате, останавливается). Да вам-то, вам-то не все ли равно, что он там набивает? Вы же можете в любое время поймать себе другую такую же варакушку! Даже во сто раз лучше!

Клюшкин (продолжая начатую мысль). Ежели бы для науки, я бы ему слова не сказал! Бери, пожалуйста, если людям от этого польза какая-нибудь будет. Я бы ее даром отдал!

Фуфин (переходя на официальный тон). Вот что, товарищ Клюшкин. Я, как руководитель данного учреждения, обращаюсь к вам как к своему сотруднику, и товарищ Сиделкин поддерживает в этом вопросе! Мы просим вас пересмотреть ваше решение и пойти навстречу просьбе профессора Переплет-Поповского. Должен вас проинформировать: я получил официальный запрос из академии по поводу вашей пигалицы! Официальный документ! Я должен на этот документ как-то реагировать!

Клюшкин (подумав). А вы, товарищ Фуфин, отпишите резолюцию...

Фуфин. Какую резолюцию?

Клюшкин. «Улетела».

Фуфин (оторопев). То есть как это так «улетела»? Что такое «улетела»? Я вас не понимаю. Товарищ Сиделкин! Вы что-нибудь поняли?

Сиделкин молчит.

Клюшкин (поясняя). Вы напишите этому академику: птичка, мол, улетела!

Фуфин. Что вы хотите этим сказать, товарищ Клюшкин?

Клюшкин. А что есть, то и хочу сказать. Улетела варакушка!

Фуфин. Куда она могла улететь?

Клюшкин. Ей пути не заказаны.

Сиделкин. Вы, что же, ее выпустили, товарищ Клюшкин? Сознательно выпустили?

Фуфин (с трудом себя сдерживая). На каком основании? (Клюшкину.) Куда вы ее выпустили?

Клюшкин (широко). Так ведь весна, товарищ Фуфин! Конец марта! Зачем птичке в клетке томиться? Пусть летит!

Фуфин. Когда? Когда вы ее выпустили?

Клюшкин. Покормил нынче утром последний раз, вышел с ней во двор, открыл клетку и выпустил. А сам в баню пошел.

Фуфин (опускается в кресло, вытирает лоб платком). Нет! Как вам это нравится? Он ее выпустил! Что мы теперь ответим на документ? Нам же не поверят! Мы подорвем свой авторитет в глазах академии! Мы же не можем, действительно, написать резолюцию: «Улетела!» Мы никогда не писали таких резолюций! Вы нас подвели, товарищ Клюшкин! Мы сделаем выводы! Твоя точка зрения, Сиделкин?

Сиделкин (Клюшкину). Неужели так-таки и выпустил?

Клюшкин (улыбаясь). Да, вот так...

Сиделкин (неожиданно). Молодец, Клюшкин! Молодец! Ай, молодец, старик! (Смеется.)

Фуфин (растерянно). То есть как? А? Ну, да! Вот так...

Клюшкин. Мы можем быть свободны?

Фуфин. Ступайте!.. Идите!..

Клюшкин. Бывайте здоровы! (Выходит.)

Сиделкин. Мала была пташка, а всё сильней, чем бумажка!

Фуфин вытирает лоб платком.

Занавес.

На сельскохозяйственной выставке

В ШЕСТЬ УТРА...
Рисунок Ю. Черепанова.

САТИР И ТРИ БОГАТЫРЯ.

В БУФЕТЕ.

Рисунки Е. Ведерникова.

XI ШАХМАТНАЯ ОЛИМПИАДА

Соревнование началось

В Голландию, которая выручила шахматистов, гостеприимно приняв у себя делегатов конгресса ФИДЕ и участников XI шахматной олимпиады вместо Аргентины, отказавшейся от проведения этого мероприятия, съезжаются шахматисты из разных стран мира.

Конгресс, на котором ФИДЕ отметила свое 30-летие, проходит отлично, почти все вопросы решаются единодушно. Делегаты 30 стран стоя приветствовали М. Ботвинника, когда ему вручали диплом чемпиона мира. Газеты отметили как весьма приятное событие, что сейчас в Голландии присутствуют сразу все три шахматных чемпиона мира: М. Ботвинник, Е. Быкова и команда СССР.

В «штабе» турнира работа кипит. Непрерывно раздаются телефонные звонки: различные страны подтверждают свое участие в олимпиаде. Но есть и другие звонки. Финны позвонили, что их участие пока неопределенно. Собирают деньги. Это еще понятно. Но вот у телефона Нью-Йорк: «Не приедем». «Почему?» «Не можем материально обеспечить приезд шести шахматистов в Амстердам, нет средств».

Голландцы иронически улыбаются.

2 СЕНТЯБРЯ.

«Золотая команда» советских шахматистов в Амстердаме», — пишут голландские газеты. Так называют нашу команду потому, что у всех советских гроссмейстеров золотые медали.

Гроссмейстеров М. Ботвинника и В. Смыслова узнают и останавливают на улицах. Они должны и во время прогулки «работать» — давать автографы.

4 СЕНТЯБРЯ.

В помещениях, где состоится XI олимпиада, идут последние приготовления. Зал украшен 26 флагами разных стран — участниц олимпиады. Расставляются шахматные столы. В три часа дня — торжественное открытие. Короткие, но очень теплые приветствия, жеребьевка, и через час шахматные гроссмейстеры и мастера занимают свои места за столами. Началась игра в четырех полуфинальных группах. Очень трудно наблюдать за таким количеством партий одновременно. Но понятно, что мы в первую очередь следим за ходом борьбы нашей команды. Она сражается с Финляндией. После двух часов игры советские гроссмейстеры спокойны и уверенны. Это можно судить хотя бы по тому, что М. Ботвинник и А. Котов разрешают кинооператорам съемку, чего они обычно во время игры избегают.

Игра в полуфинале, конечно, значительно менее волнующая, чем в финале. Достаточно занять третье место в своей группе, чтобы попасть в финал. Но советские шахматисты «по привычке» выигрывают с максимальным счетом — 4 : 0.

5 СЕНТЯБРЯ.

Наконец-то в Амстердам прибыл последний участник олимпиады! Как ни странно, этот опоздавший участник — голландец доктор Эйве. Он только вчера закончил свою гастрольную поездку по Южной Африке. Там он провел 25 сеансов, сыграв около 700 партий. Теперь он хочет помочь голландской команде попасть в финал.

У чемпиона мира — команды СССР — сегодня неопасный противник — Греция. В четырех партиях вместе вся встреча продолжалась менее 100 ходов. Все четыре партии выиграли советские гроссмейстеры.

Серьезный разговор у нашей команды начнется лишь в финале с командами, которые мечтают отобрать у нас кубок чемпиона мира.

С. ФЛОР,
международный гроссмейстер.

Амстердам. (По телефону.)

Из записок Вики

СНЕЖНЫЙ КОМ

«Тук-тук-тук», — постучали в дверь.

Мама открыла.

В комнату вкатился снежный ком.

— Что это? — строго сказала мама.

А я сразу догадалась и говорю:

— Так ведь это наш Алик. Он, наверно, по сугробам лазил. Видишь, весь в снегу.

Отряхнули мы Алика, раздели и в постель уложили.

Сейчас Алик лежит под теплым одеялом и пьет горячий чай с малиновым вареньем.

Повезло Алику!

Мама говорит, что вечером Алику придется поставить горчичники.

Не-ет, Алику не повезло!

МЫ ВСЕ РАДЫ

Папа купил швейную машину. Мама очень рада. Теперь она будет шить нам штанишки и рубашки. А то ведь одежды на Алика просто не напасешься.

Мы тоже очень рады, потому что в пустой угол поставили машину.

Значит, стоять в углу больше не будем.

Негде!

А. СЕДУГИН

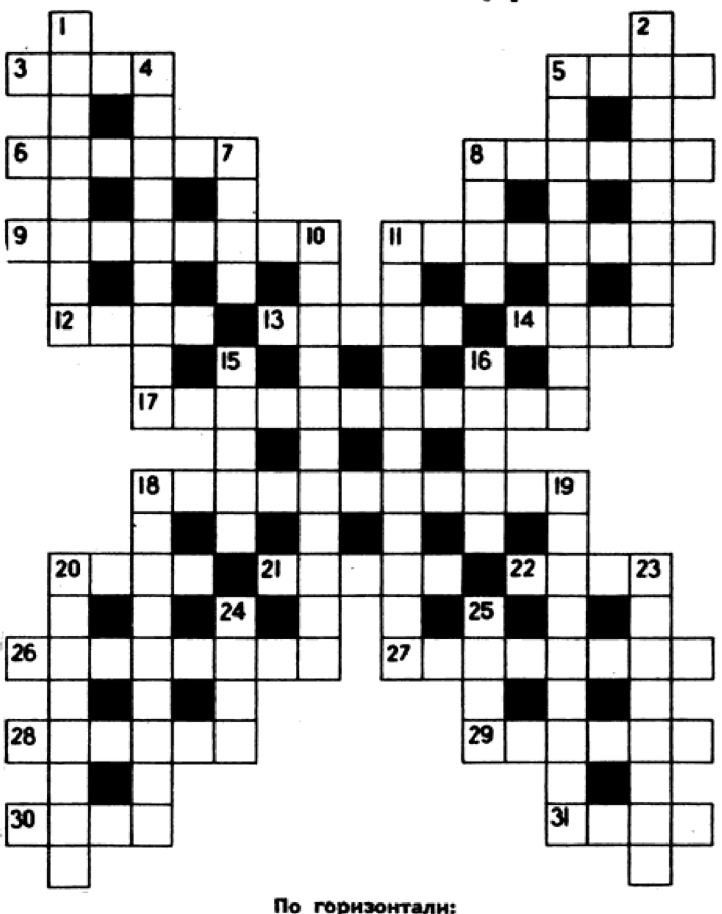
У СЕВЕРНОГО ПОЛЮСА

— Мама! Зачем ты притащила песца? Он невкусный!

— Ах, деточка, у нас теперь так много людей, что надо подумать и о туалете!

Изошутка В. Кащенко.

КРОССВОРД

По горизонтали:

3. Столица союзной республики. 5. Ветер. 6. Сообщение. 8. Украинский писатель. 9. Геодезический угломерный инструмент. 11. Русский писатель. 12. Перечень кушаний. 13. Бразильский писатель. 14. Нота. 17. Покупатель. 18. Народная артистка СССР. 20. Вид спорта. 21. Морской залив. 22. Рыба. 26. Научное предположение. 27. Русский поэт. 28. Ягода. 29. Оборотная сторона медали или монеты. 30. Официальная отметка на документе. 31. Отмель.

По вертикали:

1. Род специальной ткани. 2. Сорт слив. 4. Лесная птица. 5. Почтовое отправление. 7. Столица государства в Азии. 8. Кузнечный очаг. 10. Степень теплоты. 11. Союзная республика. 15. Буря на море. 16. Русский исследователь Арктики. 18. Отдел геологии. 19. Город на Урале. 20. Комедия Фонвизина. 23. Движение вперед. 24. Часть корпуса музыкального инструмента. 25. Герой древнегреческой мифологии.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 36

По горизонтали:

2. Суппорт. 7. «Деньги». 8. Окуляр. 10. Омск. 11. «Перепелох». 13. Тент. 16. Гаврош. 20. Снеток. 23. Бурение. 24. Рулет. 25. Повар. 26. Определение. 27. Шабер. 28. Канва. 29. Гиревик. 30. Катунь. 32. Гигант. 36. Итог. 38. Процедура. 41. Пояс. 42. Массив. 43. Путина. 44. Аньшань.

По вертикали:

1. Шнек. 2. Ситец. 3. Пепе. 4. Осло. 5. Торос. 6. Флот. 7. Дамба. 9. Рондо. 12. Переселение. 14. Докторант. 15. Инспекция. 16. Горошек. 17. Вельбот. 18. Лущение. 19. «Фиделио». 21. Тувинка. 22. Курсант. 31. Артем. 33. Наяда. 34. Драва. 35. Крепь. 37. «Гуси». 39. Цель. 40. Дума. 41. Приз.

В этом номере на вкладках: четыре страницы репродукций картин художников Румынии и четыре страницы цветных фотографий.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

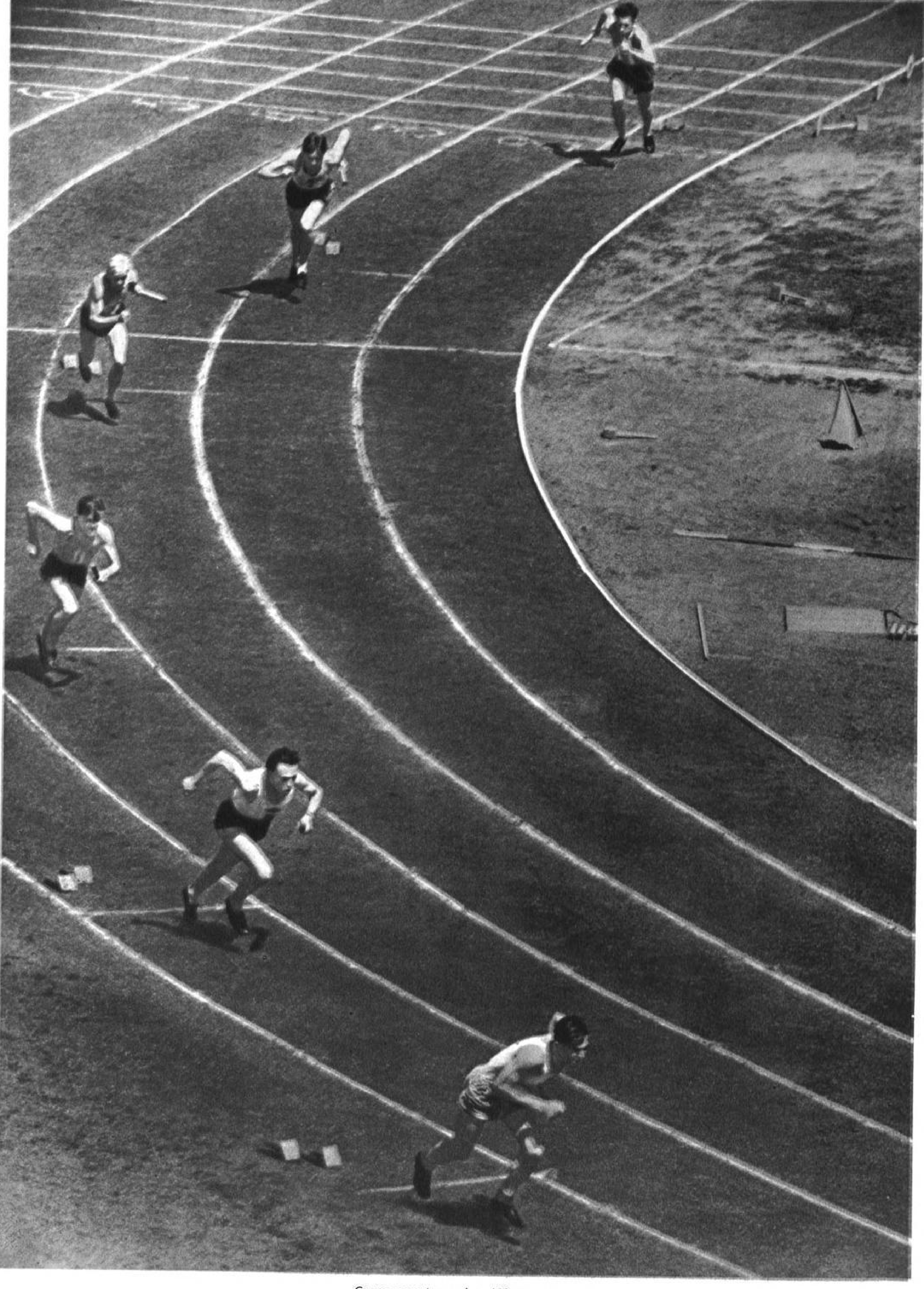
Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, И. П. ГОРЕЛОВ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61.

Оформление И. Уразова.

А 06908. Подп. к печ. 7/IX 1954 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 650 000. Изд. № 780. Заказ 2580. Рукописи не возвращаются.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Старт эстафеты 4 × 400 метров.

Фото О. Неелова.

Цена номера 3 руб.